

3 бестселлера об академии магии

Мария Ляхова-Трагель Мар и Университет практической магии

Предисловие

Вытягиваюсь на диване и прижимаю горящий лоб к подлокотнику. Кажется, стоит мне только прилечь, как я сразу же отключусь. Я готова спать целыми днями не просыпаясь. Голова заполнена горячей ватой...

... и в ней тонут все мысли. Так тепло... диван
комната
я хожу
по комнате
я куда-то падаю...

Промаргиваюсь, чтобы согнать сон. Чуть привстав, облакачиваюсь на спинку дивана, беру со стола кружку горячего чая. Смотрю на свои записи. Надо писать диплом. От этой мысли чувствую новый прилив волны сна.

Я болею в общей сложности почти месяц. Может, это что-то серьёзное? Надо бы к врачу сходить... Червячок тревоги снова поднял свою

уродливую голову и начал грызть меня. Хотя что может быть серьёзного? Насморк и горло болит. Но целый месяц...

До этого же все было в порядке... до чего — до этого?

До того, как на кафедре напомнили про преддипломную практику.

Кафедра... от этой мысли мои челюсти невольно сжались, а между рёбер будто закипел котёл.

Наивная воодушевлённость беседа с зав. кафедрой 1 курс перспективная специальность мечты подростка.

Брови поднимаются в выражении: «Да неужели?!». Губы растекаются в презрительной улыбке, нижняя челюсть прижимается к верхней. Я качаю головой и с отвращением отворачиваюсь.

Когда я стала их всех так ненавидеть?

Сцены студенческой жизни проносятся у меня перед глазами. Может, всё это началось в тот день?

Глава 1. Один день из жизни университета

Тёплая волна поднимает меня вверх... музыка... музыка? Чёрт, мелодия будильника...

Вытягиваю руку вверх, нащупываю на холодном каменном подоконнике будильник и

выключаю его. Чуть приоткрываю глаза и осматриваюсь через щелки между веками. Слабые лучи, первые вестники рассвета, вырисовывают чёрные контуры предметов. Вул ещё спит.

Никогда кровать не кажется такой тёплой и мягкой, как утром... Сон так ласково обволакивает меня, так и манит снова провалиться в него...

Ложусь ровно, кладу руки поверх одеяла и закрываю глаза. Я стою на кухне, подхожу к шкафу и беру из шкафа пачку кофе. Так, нет, пачка не такая. Была зелёная пачка, но она уже в мусорном ведре. А в шкафу теперь стоит красная пачка. Беру мерную ложечку, насыпаю в кофеварку, наливаю воды и нажимаю кнопку.

Открываю глаза. Стена. Серая, выложена из огромных камней. У стены стоит кровать соседки, уже заправленная. Чёрт, уже светло! Часов 9, не меньше! Я одним рывком поднимаюсь и сажусь на кровать. Небо в окне похоже на ледяной купол, прозрачный и хрупкий, горизонт сияет бледно-розовым светом. Ветер свистит в голых ветвях деревьев. Я соскакиваю с кровати и попадаю ногой на каменный пол. Ай, как холодно! И зачем это здание переделали в замок?! Не могли, к примеру, в отель переделать?! После непродолжительной возни нахожу тапочки под кроватью, быстро засовываю в них ноги и бегу на кухню. Хотя кухня — это громко сказано. Так,

закуток для приготовления пищи. Кофе ещё тёплый, но наполовину выпит. Вул считает, что она может брать мои вещи без спросу. Взяла себе имя Вултур¹. Считает, что она хищница. Самка стервятника, вот она кто! Я открываю холодильник, хватаю колбасу и начинаю её резать. Нож взлетает, следом за ним летит хлеб, и рядом, на той же доске, хлеб тоже начинает нарезаться.

Сажусь на табуретке и жую бутерброд, запивая кофе. Сразу же вспоминаю, какие сегодня пары. Так, сегодня будет история... Учебник по истории лежит в шкафу. Дверца шкафа открывается, отодвигая одежду, лежащую на полу. Учебник вылетает из шкафа и повисает в воздухе. Сумка... Сумка, стоящая на каменном уступе, взлетает и «заглатывает» учебник. Ещё сегодня будет практическая алхимия. Тетрадка лежит на столе. И ещё какой-то непонятный предмет, по нему ещё ни одного занятия не было. Возьму пустую тетрадку. Ключи от комнаты тоже лежат на столе. Все предметы залетают в сумку, и она летит ко мне в руки.

Мне не повезло — я живу в комнате в жилом отсеке, который поддался переделке. Комната каменная, и только её маленький размер и обилие

---

¹ Вултур (англ. vulture) — хищник, стервятник.

одежды, раскиданной и развешанной по комнате, помогают сделать её теплее и уютнее. Конечно, тут есть центральное отопление, как и во всем здании, но пол и стены постоянно окружает невидимая завеса холода.

Из зеркала на меня смотрит девушка с немного помятым после сна лицом. Да, привет, Мар. Светло-каштановые длинные волосы, передние пряди подстрижены коротко, до плеч и чуть ниже. Кожа светлая, а в этой рухляди из камня я становлюсь совсем бледной. Глаза...ещё сонные. Я бросаю на себя быстрый пристальный взгляд, с глаз уходит пелена сонливости, и я сама вздрагиваю, увидев их холодный синий блеск. Умываюсь и быстрым шагом иду одеваться. На спинке стула висят брюки и клетчатая рубашка из тонкой шерстяной ткани. Одеваюсь, надеваю сапоги и зимнюю куртку, беру сумку и выхожу из комнаты.

В коридоре общежития передо мной мелькают одинаковые деревянные двери с коваными ручками. Огромные камни, выступающие из потолка, угнетают меня, давят своим весом. Через некоторое время я выхожу в переход между жилым крылом и учебным корпусом. Пол каменной кладки сменился гранитом, а на стенах появилась пластиковая обшивка. Я скептически улыбаюсь, вспоминая историю этого здания. И правда, зачем глава

института решил переделать корпус в замок?! Он возомнил себя королем-на-горе? Или он решил, что замок будет органично смотреться? Не удивительно, что после этого безумного поступка его быстренько сняли с поста.

Тихонько стучу в дверь и проскальзываю в аудиторию. В классе-амфитеатре идет потоковая лекция. Поднимаюсь по ступенькам и сажусь рядом с одноклассниками. Преподаватель даже не обратила на меня внимание. Бригид, которая ведёт у нас историю, не придаёт большого значения опозданиям. К тому же, она так увлечённо рассказывает на лекциях, что иной раз не замечает ничего вокруг.

У Бригид талисман — огонь, и по её внешности это видно сразу. Она фигуристая женщина лет сорока с пышными красными волосами. Её всегда легко узнать по энергичному голосу и живой мимике. Имя она взяла себе соответствующее. Бригид, это имя скандинавской богини огня.

«...как я уже сказала, это были времена холодной войны, и страны двух противоборствующих блоков очень боялись массивных атак с помощью магии. И СССР, и США были уверены в том, что противник будет использовать не только силы армии, но также боевую магию. Именно поэтому правительства

сверхдержав решились рассекретить данные и начать учить магии в массовом порядке», — сказала Бригид, записала на доске дату и повернулась к аудитории. На доске написано: «1947 год».

— Хы-хы, — смеётся мой одноклассник Ван, — кровавая гэбня одобрила магию для народа.

Бригид что-то переключает на панели визуализатора, и внутри куба с прозрачными стенками появляются изображения людей, которые бросают огненные шары, появляющиеся из их рук.

«Здесь вы видите первые массовые курсы обучения магии, — поясняет Бригид. — Кстати, у меня есть телепатическая запись одного из политиков того времени. Дома послушаете и подумаете, чьи это мысли записаны. На семинаре обсудим». Она, как обычно, говорит быстро, сбивчиво, перескакивая с темы на тему. «Итак, представьте себе! Правительства настолько боялись друг друга, что впервые за всю историю решились на такой отчаянный шаг: сделать знание магии всеобщим!» — воодушевлённо восклицает Бригид. После этих слов её шевелюра приподнимается, и в ней вспыхивают искры. Преподаватель снова поворачивается к доске, не замечая, что в её волосах загорелись два маленьких огонька.

— Эээ, у вас опять волосы горят! — кричит кто-то из аудитории.

— Ой, ой! — крикнула Бригид и быстро

потушила огоньки, зажав в ладонях.

На перемене мы с одноклассниками идём в столовую. Автоматы с продуктами и столы, вот и все, что есть в нашей столовой. Я покупаю хлеб, молоко и яйца. Взбиваю яйца с молоком в тарелке. Хрустящая корочка мне на обед, готовься скорее, румяный омлет. Такое вот простое заклинание, и через минуту в тарелке дымится готовое блюдо.

— Привет! — слышится громкий высокий голос рядом со столом. Мы поворачиваемся и видим Дракон.

— Господи, весь аппетит испортила! — недовольно мычит Ван.

Дракон садится рядом со мной и говорит:

— Я знаю, ты — эльфина. Ты красивая, как эльф...

— Опять свои книжки сочиняет, — почти хором вздыхают одноклассники.

Сложно найти студента с нашего потока, который бы не знал Дракон. Найти тех, кому бы она нравилась, вообще не представляется возможным. Буквально с каждым она начинает вести странные разговоры о волшебных мирах, где живут эльфы, драконы и маги. Дракон — это её талисман, и чем-то она правда похожа на него. У нее длинная вытянутая фигура, лицо же, наоборот, широкое, как мордочка ящерицы в анфас, глаза маленькие, карие, далеко посаженные, а рот широкий и узкий. В

общем, ее нельзя назвать ни симпатичной, ни легкой в общении...

Зачем она придумывает свои волшебные миры, если может творить магию сама?!

Сев за наш стол, Дракон на пару минут нарушила спокойствие, перебросившись парой ругательств с Полозом и Ваном, затем возмущение стихает, и она начинает есть. Перекусив, мы, лениво, не торопясь, встаём из-за столов, чтобы пойти на следующую пару. А дальше у нас занятия по практической алхимии.

Фолко ², преподаватель практической алхимии, встал перед нами, опираясь руками на стол. Похоже, что он поклонник творчества Перумова. И не стесняется же своего небольшого роста, раз назвался именем хоббита! Надо признать, этот образ хорошо сочетается с его коренастой фигурой, простым симпатичным лицом и короткими светлыми волосами.

Вся группа расположилась в лаборатории за длинными деревянными столами, стоящими в ряд. Пространство вдоль стен занимают шкафы с горелками, колбами и трубками. Справа и слева на шкафах висят плакаты с изображением молекул, а

---

² Фолко — персонаж романа Ника Перумова «Кольцо тьмы».

на центральной стене таблица Менделеева соседствует с таблицей алхимических элементов. Я принохиваюсь и вместе с привычным едким запахом реагентов улавливаю едва заметный сладкий запах.

— Как вам, наверное, рассказывали, м-эфир можно проявлять в материальном мире разными способами. Самый простой — это преобразование м-эфира в энергию. Для небольшого количества энергии это настолько просто, что каждый может этому научиться. Именно по этой причине в наших столовых нет плит — преобразовывать м-эфир в тепло должен уметь даже первокурсник. Кроме того, м-эфир можно преобразовывать в материю. В принципе, можно материализовать любое вещество, которое есть в материальном мире. А можно и создать новое вещество, которое может существовать только как форма м-эфира. Но это уже высший класс, для этого нужно очень хорошо разбираться в строении веществ, — говорит Фолко.

Он смотрит на один из плакатов с молекулами, берёт в руки визуализатор и ставит его на стол перед собой. Закрывает глаза, морщится, будто что-то вспоминая. Потом его лоб расслабленно разглаживается, а внутри визуализатора появляются несколько разноцветных шариков. Он поднимает его и подносит ближе к нам.

— Это трёхмерная модель молекулы глюкозы. Оранжевый цвет — это атом углерода, белый — атом кислорода, а голубой — водорода.

Дверцы шкафа за нашими спинами распахнулись, и наружу вылетели такие же стеклянные кубы-визуализаторы, какой Фолко держал в руках. Перед каждым студентом на столе оказался такой прибор.

— Теперь вам нужно внутри своего куба построить такую же модель. Это будет альфа-глюкоза. А потом вы преобразуете её в бета-глюкозу. Вот так.

И одна бело-голубая частица переместилась из верхней части молекулы в нижнюю.

Я никогда раньше не работала ни с молекулами, ни с их моделями. Но во времена витчери я делала вещи и посложнее. Я хорошо учусь, мне несложно.

Сначала нащупаем м-эфир. Я сажусь поудобнее, кладу руки на стол и выпрямляю спину. Ладони. Локти. Лежат на столе. Стол. Твёрдый. Через несколько секунд концентрации на ощущениях я начинаю чувствовать, будто руки проваливаются в стол. Вот оно. Чувство, будто я куда-то падаю. Я медленно опускаюсь в пустоте, а потом что-то мягко останавливает меня. М-эфир невидим и не имеет текстуры, он не гладкий и не шероховатый. Я узнаю его по ощущению опоры в

пустоте. Говорят, все чувствуют его по-разному. Но это не важно. Главное, нащупать.

Я засовываю руку в визуализатор м-эффира. Он делает м-эффир видимым без преобразования его в материю. ОН, кислород и водород, синий и белый. Я двигаю пальцами, формируя изображения атомов. Под моими пальцами появляются два облачка, синее и белое. М-эффир нельзя пощупать рукой, это просто для того, чтобы лучше себе представлять. Фолко совсем руками не двигает, визуализирует все за один раз. Наверное, так часто это делал, что уже даже не задумывается.

Все занятие по практической алхимии представляет собой весьма занятное зрелище. Дракон смотрит в упор на визуализатор, будто старается загипнотизировать его. Медведь встряхивает свой куб, держа обеими руками. Песец сидит с закрытыми глазами, нащупывает м-эффир. Ван в недоумении крутит визуализатор в руках. Обычно его белая окладистая борода и серьезный взгляд придают ему взрослый и внушительный вид, но сейчас он напоминает мне обезьянку, которая нашла незнакомый предмет и пытается понять, что это.

— Что ты делаешь?! — кричит Фолко Медведю.

— А мне так легче визуализировать, — говорит Медведь.

— Это я вижу. Ты сначала м-эфир найди, — отвечает Фолко, — нет, ну все по новой! Вас этому в школе не учили, что ли?!

Медведь, смущённо опустив голову в плечи, с побитым выражением поставил куб на стол. Его простое, добродушное лицо стало мрачным и растерянным. Он приехал из деревни и всегда стесняется, если чего-то не знает или делает что-то невпопад.

— Так, остановились, — прерывает нас Фолко, — опять будем тренироваться. Мар, Равена, Песец, продолжайте. Остальные смотрим на меня.

Я поймала себя на мысли, что из-за этой суеты больше не чувствую м-эфир. Хорошо, остановились. Я случайно встретилась взглядом с Равеной ³, нашей старостой. Она недовольно поджала губки, откинула волосы назад и заёрзала на стуле. По её обеспокоенному лицу я поняла, что она тоже отвлеклась. Моё внимание рассеялось окончательно, когда я засмотрелась на блики, сверкающие на её длинных волосах цвета воронова крыла. Может, тоже покрасить волосы в чёрный цвет?

— Сели удобно, закрыли глаза, — говорит Фолко, — вздохнули глубоко. Слушаем дыхание.

---

³ Равена (англ. raven) — ворон.

М-эфир повсюду, он течёт через вас...

Все это, конечно, хорошо, но голос Фолко мешал мне сконцентрироваться. Голос звучал то тише, то громче, и все моё внимание устремлялось к резким рывкам звуковых волн. Весь смысл слов пролетал мимо моих ушей. Черт! Даже звуковой барьер из м-эфира не сделаешь, потому что я потеряла связь. Волны, волны, звуковые волны бегут ко мне. На минуту я отвлекаюсь и представляю, будто Фолко — камешек, от которого идут круги по воде. Я погружаюсь вниз, в море звуков и нащупываю дно, мягкое и гибкое. Я нашла его!

Мои одноклассники, кто раньше, кто позже, нащупали м-эфир и начали строить модели. Только у Дракон по-прежнему ничего не получалось. Фолко подошёл к ней и начал что-то объяснять.

— Вечно у неё ничего не получается, — скривившись, сказал Полоз, — и что она тут делает?! Родители пристроили, куда поближе.

— Заткнись!!! — заорала Дракон.

— Тихо! — сказал Фолко, — так у тебя ничего не получится. Не думай о посторонних вещах, сконцентрируйся.

И тут мы услышали громкий взрыв!

Я зажмурилась.

Открыла глаза. Вся группа разом обернулась на Дракон. Она тоже оглядела нас взглядом,

полным недоумения. Потом послышался треск ломающегося стекла. Я повернулась на звук и увидела, как по визуализатору Песца ползут трещины.

— Когда же вы заткнётесь?! — буркнул Песец, — невозможно сосредоточиться...

— Таак, — протянул Фолко, — похоже, кому-то пора начать принимать успокоительные... Ты смотри мне! Маг, который не может себя контролировать, — это не шутки!

Песец потупил взгляд, буркнул что-то извиняющееся и провёл ладонью возле трещин. Под его рукой трещины стали затягиваться, и через несколько секунд от них не осталось и следа. Стройный высокий блондин, Песец выглядит красивым и надменным. Обычно он держится особняком от остальных в нашей группе. Магия даётся ему легко, и он свысока смотрит на тех, кому трудно колдовать. Трудно ему, наверное, с нами, такими недалёкими.

Я вздохнула и отвернулась, чтобы опять не потерять связь. Изображения всех атомов готовы, осталось только соединить их. Я концентрирую внимание на облачке, изображающем ОН, расположенном возле изображения атома кислорода. Нужно переместить её из верхней части куба в нижнюю. Вот так.

— Маар, — зовёт меня Ван, — а как ты

ухватилась за изображение молекулы? У меня не получается.

Я поворачиваюсь к нему и говорю:

— Ты, наверное, все ещё держишь концентрацию на общем поле м-эфира. А тебе нужно переместить в центр внимания тот объект, который ты хочешь передвинуть.

— Аааа, — отвечает Ван, понимающе кивая.

На следующей паре нам наконец довелось увидеть Виктора Василиска, директора нашего института. Василиск — это, конечно же, не фамилия, это второе имя, которое он себе взял. Мы видели в расписании его занятия, но это была первая пара с начала семестра, которая не была отменена. Отсутствие Василиска на занятиях объяснялось тем, что он уезжал в командировки. Птица высокого полёта, ничего не скажешь. Его предмет в расписании назывался «Тайные учения».

Седой человек с усами и короткой стрижкой, собственно, сам Василиск, сидит перед нами за столом, сложив руки в замок. В белом костюме-тройке он выглядит очень внушительно, и его властный вид завершает взгляд на аудиторию, сверху вниз, чуть исподлобья.

— Добрый день. Думаю, нет необходимости представляться, вы все меня прекрасно знаете. В этом семестре я веду у вас предмет, который называется «Тайные учения». Как появился этот

курс? Вы наверняка знаете, что в 90-е годы прошлого века магия была не в чести, и многие практики и традиции прошлого были забыты. Я решил вести этот курс, чтобы знания, передаваемые из века в век, не были потеряны...

Ещё бы я не знала о тех временах, когда магия была не в чести! Воспоминания о подростковых приключениях витчера нахлынули на меня, и мои мысли унеслись в воспоминания, далеко от голоса Василиска.

Мы с Кицу идём по дороге между панельными домами спального района. Совсем темно, только слабый луч фонаря высвечивает дорогу перед нами. Домов становится всё меньше, теперь нас окружают старые покосившиеся гаражи. Асфальт заканчивается пыльной дорогой, скудно присыпанной щебёнкой. Я вдыхаю и чувствую кожей апрельский воздух, прохладный и влажный, каким он и бывает в наших краях после таяния снега.

После того, как много лет назад на старом кладбище обнаружили обширную аномалию в м-эфире, там перестали хоронить людей. Территории вокруг кладбища забросили, а квартиры в том районе сильно подешевели. Днём через кладбище изредка кто-то ходил: собачники, бездомные, просто местные жители, которые хотели срезать путь. Но с наступлением темноты

вряд ли кто-то рискнул бы туда сунуться. Кроме двух сумасшедших подростков-витчеров.

Луч фонаря осветил ржавый гараж, кучу мусора возле него и торчащие во все стороны сухие стебли какой-то травы или кустарника. А вот и тропинка за гаражом. Не так, как в американских фильмах, конечно. Никаких больших кованых ворот.

— Боишься? — спрашивает Кицу.

— Естественно! — отвечаю я и добавляю, вздохнув, — пошли.

Мы перешагиваем через кучу мусора и идём по тропинке. Могилы начинаются сразу же за гаражом. Металлическое надгробие с фотографией и красной звездой покрыто ржавчиной и слезшей краской. Вокруг него вкопана металлическая ограда, напоминающая спинку кровати. Впереди такое же надгробие и ещё сотни таких же вокруг под густыми кронами деревьев. Голые ветви смыкаются так плотно над нашими головами, что небо едва видно.

Через пару минут мы вышли на центральную дорогу. Деревья расступились, выровнялись вдоль дороги, и теперь кладбище развернулось перед нами во всю ширину пустого остова. По обе стороны от колеи рядами стоят надгробия, из земли то тут, то там торчат сухие ветки и колтуны прошлогодней травы, показавшейся из-под снега.

Из-за облака вышла луна и осветила мертвенно-синим светом это царство заброшенности и разрухи.

— Шикарно, — восхищённо протягивает Кицу, — просто садись и картину пиши.

Мы идём дальше по дороге.

— Смотри! — вдруг говорю я и быстрым шагом иду вперёд.

Я увидела три надгробия, совсем не похожие на все остальные вокруг. Это были три креста из какого-то тёмного камня.

— Смотри, какие красивые, — говорю я, — их относительно недавно поставили.

Кицу потрогала рукой холодную поверхность камня.

— Достань карту, — попросила она.

Я достала из внутреннего кармана свёрнутую и потрепанную карту. Она была для нас чудесным артефактом, который я однажды нашла в стопке бумаг у мусорного бака. Мы с Кицу осветили карту фонариком и сразу же уткнулись в неё.

— Так, мы зашли с этой стороны, — размышляет Кицу, — а центральная дорога начинается здесь.

— Судя по этой карте... начало центральной дороги с нашей стороны уже попадает в область аномалии! — оживлённо говорю я, — мы добрались!

М-эфир проявляется в физическом мире через психоэмоциональную сферу человека. Обычно это происходит при помощи волевого сознательного усилия мага. Но в некоторых местах в м-эфире образуются аномалии. Тогда магия начинает происходить там бесконтрольно. Обычно это объясняется тем, что в определённых местах люди постоянно испытывают одни и те же эмоции, и эти эмоции вызывают долговременные изменения в м-эфире. Например, на кладбище люди обычно испытывают страх смерти и горечь из-за утраты близких. Поэтому появление аномалии на кладбище — это только вопрос времени. Но аномалия в этом месте разрослась настолько, что здесь решили больше не хоронить.

— Ну что, начинаем? — спросила Кицу.

Мы достали из сумки свечи и стали вкапывать их в землю по окружности. Выпили по флакончику зелья, зажгли свечи. Теперь все было готово.

Жёлтые блики пламени скользят по нашей одежде. Кицу поднимает руки вверх к центру круга, затем резко отводит их в сторону, оборачиваясь вокруг себя. Я повторяю за ней, и мы начинаем наш танец. Блики, огни, шуршание мантий, тени, бегущие по складкам тканей сливаются в одно пёстрое полотно. Тени, словно живые, тянутся к нам от сухих веток, пробегают по лицам, прячутся в складках одежды. Мы танцуем в кругу из свечей,

кружась, приседая к земле, поднимая руки от земли вверх. Чёрная земля, бездонная чернота неба, огоньки пламени пролетают перед глазами, заволаживая, вызывая головокружение, превращая мир в сплошное мелькание темноты и света. Сухие ветки, дрожащие от дуновений ветра, безмолвно наблюдают, склонившись над нами. Серебряный глаз луны смотрит на нас не моргая.

— То, что спрятано, явись. Свет покажется во тьме, то, что темнота скрывает, выходи теперь ко мне! — громко произносит Кицу

— Кицу, ты чего говоришь? Надо по имени звать того, кого ты хочешь вызвать, — возмущённым шёпотом говорю я.

— Сама знаю! Можно подумать, мы знаем имя того, кто живёт в этой аномалии! — огрызается Кицу.

Руки опускаются к холодной земле и вновь поднимаются к тёмному небу. Пританцовывая, мы обходим круг спинами друг к другу. Свет, тень, свет, тень, чёрный, золотой. Пляшущие тени мелькают передо мной, рассеивают внимание, гипнотизируют. На меня как будто накатывают волны.

Накатывают волны

Волны

волны

Волны м-эфира.

Черт!

— Возмущения в м-эфире! — кричу я.

Подул резкий ветер, и все свечи сразу погасли. Мы с Кицу остановились и прижались спинами друг к другу.

Дорога

Надгробия

Ветки

Луна

Никого, кроме нас

И тут я почувствовала на себе чей-то взгляд. Я повернулась влево, Кицу, чувствуя моё движение, посмотрела в ту же сторону. Слева от дороги, в нескольких метрах от нас в воздухе висела фигура. Она была закутана в чёрную ткань, но лицо было открыто. В лучах луны оно поражало своей бледностью. «Доигрались», — подумала я.

— Вампир, — чуть дыша, сказала Кицу.

— Детишки решили поиграться, — прошипело существо, подлетев к нам вплотную. Это была она. Вампирша. На бледном лице горящие глаза светились, как угли. Маленький нос, напоминающий нос летучей мыши, был едва виден. Из ярко-красного рта торчали клыки, сантиметра два в длину. Кицу тихонько вскрикнула, взяла меня за руку и создала тeneвую завесу из м-эфира.

— Это не поможет! Тeneвая завеса действует только на людей! — кричу я.

— Глупышка решила спрятаться, — прошипела вампирша, взмахнув руками. От её движения Кицу сразу оторвало от земли.

Что делать?

Что делать?!

Талисман. Он всегда помогает. Море. Волны. И тут меня осенило.

Перед тем, как вампирша появилась, я почувствовала возмущения в м-эфире как волны. Надо, чтобы волны сомкнулись над ней и унесли её обратно в м-эфир!

Я побежала вперёд. Ещё немного времени, нужно выиграть время! Кицу трепыхается в воздухе. Вампирша, оскалившись, срывается с места и летит за мной! Прямо за спиной я слышу шелест ткани, развевающейся на ветру. Через несколько метров я резко останавливаюсь и разворачиваюсь. Мурашки бегут по моей коже, я опять чувствую волну. И я пускаю её вперёд!

Вампиршу сбивает удар невидимой волны! Она пролетает пару метров назад и падает на землю. Не давая ей прийти в себя, я концентрирую все внимание на неё и снова вызываю волну. Утопим тебя в м-эфире!

— Откуда пришла, туда и уйдёшь! — кричу я. Поднимается сильный ветер, вампирша упирается, закрывает лицо руками, но ветер подхватывает её, кружит...

Исчезла! Я подбегаю к Кицу, лежащей на земле.

— Ты в порядке? — спрашиваю её.

Она поднимается, смотрит на меня и говорит:

— Да, а ты?

— Все хорошо, я отправила её обратно.

И тут со стороны входа на кладбище послышались шум и крики, а среди деревьев замелькали лучи фонарей.

— Кто это? — шёпотом спрашиваю я.

— Народный патруль, — отвечает Кицу.

— Разве он тут есть?

— Похоже, что да... Охраняют аномалию от таких идиотов, как мы... Быстрее, побежали! Вглубь кладбища они не сунутся!

Мы хватаем свечи, бросаем их в сумку и бежим по центральной дороге.

Я не знаю, каким образом мы в ту ночь не встретили ещё кого-нибудь из аномалии м-эфира. Наверное, нам просто не было страшно. Удары ботинок по земле! Пузырьки, лопающиеся у меня в голове, кровь, приливающая к лицу! И пьянящий прохладный воздух... Безумный азарт юности...

«...каждая душа имеет какую-то свою, только ей присущую особенность, которую она и должна осознать. Душа воплощается в нашем мире, чтобы выучить свой урок и выполнить ту функцию, для которой она была создана. Когда эта цель

достигается, душа перестаёт воплощаться. Состояние, в котором достигается цель каждой души, называется конечное исправление», — говорил Василиск, заглядывая в книгу, лежащую на столе.

Рассказывал он размеренно, с небольшим нажимом, при этом глядя на аудиторию своим цепким взглядом. Вот он встал, прошёлся по аудитории. Потом остановился и немного отклонился назад, небрежно поправив пиджак.

— И этому нас учат в институте техномагии, — тихо сказал Ван, уткнувшись лбом в ладонь.

Василиск, глядя на скептические лица студентов, сказал:

— Что, не верите? А это все так и есть.

— Целью жизни является постижение индивидуумом единства действительности в своём ощущении и сознании. Передача постигнутого осуществляется при помощи книг, в группе изучающих, под руководством Учителя...

— Встретимся сегодня вечером? — раздался голос у меня в голове.

Ох, блин. Напугала меня. Телепатическое сообщение от Кицу.

— Давай. А где? На нашем месте?

— Да. В 6 часов.

Я пришла в комнату в четвёртом часу. Вул

уже вернулась. Дома она обычно одета в обтягивающую майку и трусы-шортики. Ходит, задницей виляет, красotka.

— Вари себе кофе сама, ок? — говорю, я, бросая сумку.

— Тебе жалко, что ли, а? — капризно говорит Вул.

— Не жалко. Я не люблю, когда ты берёшь мои вещи, не спрашивая меня.

— Но ты спала, — сказала Вул, обиженно надув губки.

— Не делай так больше, — попросила я.

Следующие часа три я готовлю еду и делаю домашнее задание. Закончив свои дела, одеваюсь и выхожу из комнаты. Иду по коридору жилого крыла. Коридор освещается узким окном, напоминающим бойницу, из него пробиваются нежные розово-жёлтые лучи заходящего солнца. Ногами стараюсь не попадать в стыки между камнями, чтобы не застрять в них ногой. В комнатах шумно, из-за дверей слышны голоса и тянет запахами еды.

Прохожу мимо перехода из жилого корпуса в учебный, мимо классов-амфитеатров, мимо столовой. Панельная обшивка снова сменяется каменной кладкой. Лучи света из узких окон под потолком освещают полутемный коридор. Только доспехов в нише не хватает для полной картины

средневекового интерьера. Мне постоянно кажется, что в этом здании, как в замках из фильмов, есть тайные ходы. А может, и не кажется.

Иду в противоположный конец здания, к большой башне. Коридор учебной зоны заканчивается большим проходом в виде арки, а за ним, вокруг огромного каменного столба поднимается винтовая лестница. Ступени, выточенные из камня, проходят насквозь через всю башню. На каждом этаже башни и под ней, в подвале, располагаются лаборатории. Я поднимаюсь на один этаж, заворачиваю за угол в узкий коридор. Поперёк коридора висит оградительная лента в бело-красную полоску, но меня это не смущает. Я пролезаю под лентой и иду дальше.

Раздаётся свист, начинает тянуть сквозняк. Я открываю дверь в маленькую башню, и в лицо мне ударяет струя морозного воздуха. Порыв ветра поднимает снег, припорошивший камни, врывается холодным смерчем в копну моих волос и устремляется за дверь. Эта маленькая комнатка, как и несколько других, таких же, раньше использовалась как астрономическая лаборатория. Но теперь башни находились в аварийном состоянии и даже могли рухнуть. Здание уже не один год ждёт ремонта, и в его отсутствие башнями просто перестали пользоваться. Там, где раньше

было окно, разобрали часть стены, и постройка зияет дырой посередине. А из разлома в стене открывается вид на небесное полотно, залитое красками заката.

Город стоит, окутанный серо-розовым туманом. Розовые тона темнеют и перетекают в сизо-голубые полосы у горизонта, и в этой колыбели ночи тонет огненно-желтое солнце. От последних лучей розовый превращается в бежевый, а от жёлтого шара остаётся только маленький кусочек, похожий на каплю раскаленного металла. Когда и он наконец исчезает, вся картина размывается, подёргивается серой дымкой. А вдалеке, за домами и деревьями виднеется море, покрытое тонкой корочкой льда. Холодное синее море. Я люблю его. Мар⁴- это и есть море.

Я начинаю замерзать. Закрываю глаза, нахожу связь с м-эфиром и вызываю в воображении образ шара вокруг меня. В какой-то момент я перестаю чувствовать порывы ветра. Через минуту становится очень жарко, и я начинаю задыхаться. Я делаю в верхней части шара дырочки для воздухообмена и расширяю шар так, чтобы в нём поместились два человека.

Воздух возле входа в комнату башни

---

⁴ Мар (исп. mar) — море.

колышется, и появляется Кицу. Она уже много лет практикуется в создании теневой завесы, так что пройти через охрану нашего корпуса ей не составляет труда. Вообще, в учебный корпус нельзя пройти просто так, без пропуска. Кицу учится в другом вузе, и пропуска у неё нет. Но с нашей охраной и талантами моей подруги это не проблема.

Кицу⁵ выбрала в качестве имени японское слово «лиса». Ещё этим словом в Японии называют оборотней, которые принимают облик этого животного. Внешне Кицу на самом деле похожа на лису: у неё длинный тонкий нос, хитрые глаза и рыжие волосы. Черты её лица, в особенности разрез глаз, говорят о том, что она метиска, но сама Кицу не знает, есть ли среди её предков азиаты. Со временем она всё больше становится похожей на своё животное-талисман. М-эфир оставляет свой отпечаток на людях, которые все время соприкасаются с ним. Обычно метаморфозы начинаются в более старшем возрасте, но Кицу колдует уже давно. Её лицо стало вытянутым, наподобие лисьей морды, а на ладонях появились подушечки и рыжая шерсть.

— Привет, Мар, — говорит мне Кицу.

---

⁵ Кицунэ (яп.) — лиса.

— Привет, — отвечаю я, — подожди, я тебя впущу.

Я делаю отверстие в куполе из м-эфира, так, чтобы Кицу могла войти. Мы часто встречаемся здесь. Это уединённое заброшенное место напоминает нам о наших прошлых приключениях. Кроме того, тут потрясающий вид на город.

— Представляешь, — говорю я, — у нас сегодня было такое странное занятие. Нам рассказывали... По-моему, это было что-то из Кабалы.

— Что здесь странного? — спрашивает Кицу.

— Да непонятно, зачем это. Просто лекция о каких-то странных вещах, все сидят, глазами хлопают, ничего не понимают. Вот помнишь, как мы раньше читали Кроули?

— Помню, конечно! И книгу Еноха, и Красную книгу...

— Как мы искали их, их же не так просто достать было! Потом встречались и читали вместе, практиковали магию по ним.

— Ну и не все, что там написано было, работало... — критически замечает Кицу.

— Вот-вот, — говорю я, — учились методом проб и ошибок. А тут нам читают по бумажке про высшее предназначение души...

— Ну, блин, — говорит Кицу, — мало ли в жизни чудиков?

— Ну дааа, — протягиваю я.

Несколько секунд мы молчим, глядя, как загораются огоньки в окнах домов.

— Ну а в целом вас полезным вещам учат? — спрашивает Кицу.

— Да как сказать... кое-что полезно... но из всей информации приходится выбирать что-то стоящее. Меня беспокоит то, что некоторые мои одноклассники до сих пор с трудом пользуются телекинезом. И это при том, что мы учимся на третьем курсе факультета телекинетического управления! Преподаватели, конечно, ругаются, говорят, вас этому должны были в школе научить...

— Пфф, — фыркает Кицу, — да черта с два этому учат в школе! Попробуй удерживать концентрацию внимания, когда сидишь в классе с тридцатью балбесами...

Кицу училась в школе очень плохо, особенно по магическим предметам. Она делала вид, будто ничего не понимает. «Показывать фокусы за оценку учителя? Ну уж нет!» — всегда говорила она. Несмотря на увлечение магией, Кицу учится в экономическом вузе, где почти нет магических предметов. Как она сама говорит: «Диплом нужен, чтобы легче получить работу, а учиться я и сама могу».

— Да и к тому же, — продолжила Кицу, — помнишь, как наши ровесники относились к тем,

кому хорошо давалась магия?

Я с отвращением морщусь. Что это? Стыд? Странно, но воспоминания о насмешках одноклассников до сих пор задевают меня. Вроде бы не один год прошёл.

— Хорошо хоть, у нас в столовых нет плит, — говорю я, — хоть какая-то регулярная практика в магии.

— А, может, дело не в практике, а в экономии? — спрашивает Кицу.

Я смеюсь:

— Ну и не без этого!

— Может, твоим одноклассникам проще бы давался телекинез, если бы они принимали зелья? — спрашивает Кицу.

— Ой, зелья... это отдельная история, — говорю я.

— А что с ними?

— Администрация не поощряет использование зелий в учебном процессе.

— Даже разрешённые?

— Ты же знаешь, что со всеми зельями ситуация мутная, — говорю я, — одни говорят, привыкание есть, другие, что привыкания нет...

— Но ими все равно пользуются, — заметила Кицу.

— Вот именно! На многих заводах принято пить зелья. Так что стоит нам только выпуститься и

попасть на работу... Так что этот запрет ещё сильнее отрывает учёбу от реального производства.

— Ну а ты что думаешь? — спрашивает Кицу.

— Да фиг его знает... У меня получается колдовать и без зелий. Может, мне придётся делать что-то настолько сложное, что я не смогу обойтись... Тогда буду принимать. Ну а ты-то что думаешь, эксперт ты наш?

Кицу перепробовала множество зелий, легальных и запрещенных. Одни зелья проясняют разум и помогают сконцентрироваться, например, «Кристалльный взор», одно из самых популярных легальных средств. Другие, наоборот, оправляют тебя в страну фантазий. Такими обычно пользуются художники и разработчики компьютерных игр. Пока такое зелье действует, они создают образы из м-эфира, стараясь повторить то, что появляется в их воображении.

— Я думаю, глупо запрещать зелья в университете, если ими пользуются на рабочих местах. Это просто тормозит ваше развитие, как специалистов, — отвечает Кицу.

— Это точно, — говорю я, — видимо, просто администрации хочется держаться подальше от скользкой темы.

— Но с другой стороны, есть средства и получше... — говорит Кицу.

Кицу уже не первый год увлекается разными

духовными практиками, в основном буддизмом. Магические способности она развивает соответствующие, как описаны у лис в восточном фольклоре. После того, как прекратились попытки объявить бойкот магии, духовные практики стали очень популярны. И не удивительно: они считаются альтернативой зельям.

— Ещё бы нас учили этим средствами получше... — говорю я.

— Ну так вас же и учат, вон, этот препод сегодня...

— Ахаха, Василиск... да что, нам как будто помогут эти лекции... хотя посмотрим, это было только первое занятие...

Глава 2. Там, где другие не ходят

Когда я проснулась, комната уже была освещена бледным зимним солнцем. Я огляделась и поняла, что Вул в комнате нет. Как я люблю четверги... Сегодня у меня занятия с часу дня, и я могу спать сколько угодно, да ещё и проводить время без Вул. Мне нужно много личного пространства, и я всегда радуюсь, когда остаюсь в комнате одна.

Тереблю кодировщик м-эффира, висящий у меня на шее. Я постоянно ругаю себя за то, что лезу в сеть, едва проснувшись, но ничего не могу с

собой поделать. Я нажимаю кнопку на панели кодировщика, прикладываю руку к уху и говорю:

— Оператор?

Голос эхом отдаётся у меня в голове. Запрос отправлен. Через несколько секунд я слышу голос в ответ:

— Ты чего, «Матрицы»⁶ пересмотрела?

Я смеюсь и отвечаю:

— Просто так я знаю, что ответишь ты, а не другой админ на узле.

— Люблю наш маленький узел. Хоть по-человечески можно с людьми поговорить, — отвечает голос в моей голове.

— Да, когда я делаю запрос на узел Магуг⁷, там такой голос... на человеческий даже не похож.

— А он, может, быть и не человеческий вовсе. В сети же работают ещё эфы. Их админы создают из м-эфира.

— Нексус⁸, а ты тоже создаёшь эфов?

— Нет, мне это не по зубам. Я пока учусь.

— Администраторы мыслесети создают

---

⁶ Фильм 1999 года, реж. Вачовски.

⁷ Система поиска в мыслесети.

⁸ Нексус (англ. nexus) — связь, цепь, сеть.

фантомов из м-эфира, сокращённо ЭФ. Это существа, которые устраняют простые неполадки в сети и выполняют рутинную работу, — читает лекцию молодой преподаватель.

Бронтозавр ведёт у нас технологии работы в мыслесети. Странно, что он выбрал себе имя этого крупного массивного ящера. Телосложение у него астеническое, спина свернулась колесом, а предплечья плотно прижаты к бокам. Маленькая копия тиранозавра, с его крохотными лапками, прижатыми к телу. Похоже, Ронни, как мы его называем, сам работает или работал администратором мыслесети, потому что у него уже появились первые признаки профессиональной деформации — широкий лоб и большая голова. Хотя, может быть, они у него от природы такие. Он симпатичный кареглазый брюнет, и он бы мне даже нравился, если бы не сколиоз и вкус в одежде. Вернее, его отсутствие.

— На крупных узлах маршрутизацию и обработку запросов осуществляют эфы, а на более мелких, как правило, — администраторы лично, — продолжает Ронни.

Его голос навевает на всех тоску. Меня начинает клонить в сон. Я подпираю подбородок ладонью и меня накрывает приятное чувство надвигающейся дремоты. Мыслесеть... Нексус... Интересно, а какой он? Молодой, это ясно.

Опытные администраторы не работают на таких маленьких узлах. Да и по голосу слышно...

Он ни разу не предложил встретиться... Может, он такой же страшенький, как Ронни? Работники мыслесети обычно очень нелюдимые. Им проще общаться на расстоянии.

Хотя Нексус вроде общительный...

Или это только со мной...

Может, он со мной от скуки общается...

А что с ним будет потом?

У админов такие жуткие проф. деформации бывают... Говорят, сотрудники Магуг наращивают себе дополнительные ткани мозга, чтобы увеличить скорость работы...

Дворик у крыльца учебного корпуса освещён лучами яркого солнца. Сугробы немного подтаяли, и свет, отражённый от них, сияет ещё сильнее, бьёт прямо в глаза. День сегодня ветреный, но дворик окружает жилое крыло, защищая его от холодного морского воздуха, так что мы греемся на солнышке, вбирая в свои тела скудное количество солнечного тепла. Гранитные ступени крыльца блестят от растаявшего под ногами снега. Над крыльцом нависает огромный козырёк, а на нём написано: «УПМ университет практической магии». В стороне от крыльца стоит Засохший колодец, и мы все собрались возле него. Медведь курит, выпуская изо рта дым вместе с водяным паром.

Камни, из которых сложен колодец, очень старые и покрыты лишайником. Интересно, сколько лет им не пользовались? Медведь докуривает и бросает бычок в колодец. Красный огонёк пролетает мимо стенок, покрытых изморозью, и исчезает в темноте. Я машинально заглядываю в колодец и провожаю огонёк взглядом. Чёрная глубина притягивает меня, и чудится мне, что внутри кроется какая-то тайна, и она зовёт меня.

* * *

В школе я училась хорошо и старалась узнать как можно больше о магии. Я была сама по себе довольно необщительной, а уж моё увлечение магией дополняло облик нелюдимой чудачки. После экономического кризиса отношение общества к магам было не самым лучшим. Терпимости добавляло только то, что они по-прежнему были очень нужны на производстве. Кое-где получилось построить заводы совсем без использования м-эфира. Однако, немногие производители решались на это из-за увеличения расходов.

В какой-то момент я узнаю о субкультуре витчеров. Это было в 9 классе. И это было настоящим откровением! Я была очень одинока, а тут я сразу же нашла компанию

единомышленников и новые возможности практиковаться в магии. Обрадовались ли этому мои родители? О нет, они были в ужасе... Они считали витчеров сомнительной компанией, и частично это было правдой. Я постоянно пропадала непонятно где, читала книги по оккультизму и общалась с юными сорвиголовами. Что может быть хуже для девочки из приличной семьи?! Родители считали, что магии надо учиться в университете, и я ещё маленькая для того, чтобы практиковать её. Умела бы я обращаться с м-эфиром, если бы начала практиковаться только в вузе? Не думаю.

* * *

Глаза ещё не привыкли к освещению клуба, и я щурюсь в полумраке, оглядывая зал. Воздух содрогается от басов колонок: диджей играет ремикс на Роба Зомби. Rock, motherfucker!⁹ В мигающем свете под потолком извиваются два стройных полуголых тела девушек go-go. Сканеры желаний рыщут прожекторами, рассекая темноту зала. Один из лучей попадает на девушку, и она на мгновение будто смущённо замирает, а потом в луче появляется полупрозрачное изображение

---

⁹ Rob Zombie, «Sick bubblegum».

неоново-голубого цвета. В изображении танцовщица шлёпает свою товарку по обнажённой заднице маленьким кнутом, свёрнутым в петлю. Хо-хо, ловкий трюк! Не сомневаюсь, что это спланировано, и она специально это представила.

Я толкаю Кицу в бок, показывая на изображение сканера желаний.

Смотри, какую забаву для мужиков они придумали, — говорю я.

— Ага, — отвечает Кицу, — что-то я сомневаюсь, что это её настоящие сексуальные фантазии.

— Но работает же, — говорю, кивая в сторону парней с жадными глазами, сидящих на диване и возле бара.

— Наивные... — говорит Кицу, усмехаясь, — ну что, по паре гипнококтейлей?

Гипнотические коктейли на основе какого-то шаманского зелья стали серьёзной конкуренцией алкоголю. Вытеснить спиртное им позволило одно простое преимущество: они не вызывают похмелья.

Бит качает, и я начинаю пританцовывать прямо на ходу. Мы берём бокалы у бармена и идём к столику. По дороге я замечаю... о нет...

На диване, в обнимку с двумя блондинками сидит Дьюрин¹⁰. Я незаметно толкнула Кицу.

---

¹⁰ Дьюрин (Дурин) — персонаж Средиземья Дж. Р.Р.

— О боже мой, — сказала она.

Странно, что Дьюрин взял себе гномье имя. Высокий и подтянутый, уж на кого, но на гнома он совсем не похож. Когда мы с ним познакомились, он изображал из себя некроманта. Не думаю, что он по-настоящему воскрешал мёртвых, но сам себя он так иногда называл, да и мрачность его образа была соответствующей.

— Не изменяет своим привычкам, — язвительно заметила Кицу.

У Дьюрина всегда была скандальная репутация бездельника и соблазнителя юных девиц. И это мнение основывалось отнюдь не на клевете. Уж я-то знала.

— Он не видит нас. Пока сделаем вид, будто не видим его, — говорю я, наклонившись к Кицу, — посмотрим, что будет.

Кицу кивает.

Я сталкиваюсь с Дьюрином, когда мы с Кицу идём танцевать. Я улыбаюсь и говорю: «Привет». Остаток теплоты, сохранившейся в моём сердце, снова напоминает о себе. Дьюрин слишком неоднозначная личность, чтобы определённо назвать его хорошим или плохим. Так что я даже не знаю, как к нему относиться. Он в ответ на

приветствие берёт мою руку и целует её. На секунду я опускаю веки, и воспоминания накрывают меня.

Контуры деревьев виднеются на фоне светящегося горизонта, как в театре теней. Вскоре силуэты начинают пропадать, прячась под пологом ночи. С каждой секундой небо чернеет над заброшенным пустырём, и звёздная россыпь становится видной глазу. Я удивлена, что Дьюрин предложил встретиться в столь отдалённом месте, но я ему доверяю, и мне не страшно.

Он подходит ко мне и говорит:

— Я хочу тебе кое-что показать.

Он берёт меня за руку и на моих глазах начинает отрываться от земли! Дьюрин медленно поднимается в воздух, а потом и я, онемевшая от удивления, тоже медленно взлетаю.

— Ого... я знала раньше, что можно летать при помощи м-эфира, но никогда не видела...

Дьюрин делает жест рукой, и что-то толкает меня к нему, а потом закручивает нас на пару оборотов вокруг невидимой оси между нами.

— Ух ты... — восхищённо вздыхаю я.

Дьюрин держит меня за руки, и тут мы начинаем быстро взлетать! И вот, пустырь уже остался далеко внизу, а перед нами открылась сияющая сеть ночного города. Я с восхищением смотрю на Дьюрина, его карие глаза, его тёплый

нежный взгляд притягивает меня. Его лицо приближается к моему, волоски на бороде щекочут мою щёку. Пучок его волнистых волос касается моего плеча, и он целует меня.

Несколько секунд мы висим в воздухе, держась за руки и наслаждаясь видом ночного города. Потом Дьюрин отпускает одну руку и говорит:

— Сейчас я тебе ещё кое-что покажу. Главное, не бойся. Со мной ты в безопасности.

Тут Дьюрин резко поднимает руку, за которую я его держу. Вслед за рукой, я взлетаю вверх по траектории полукруга. Невидимая сила тянет меня ввысь, и руки расцепляются...

Ком подкатывает к горлу, воздух резко втягивается в лёгкие и замирает. Кажется, вся грудная клетка сжимается до размеров спичечного коробка... Огни города медленно отдаляются от меня, останавливаются и, качнувшись, начинают приближаться! Я закрываю глаза от ужаса.

Потоки тёмной воды хлынули на город. Волна набегают, хлещет между домами, смывая преграды на своём пути. Поток подхватывает меня! Накрывает, кружит, поднимает все выше и выше...

Открываю глаза и понимаю, что я зависла в воздухе. Я дёргаю руками, и невидимая упругая субстанция в ответ тоже начинает волноваться и подбрасывать меня. Ко мне подлетает озадаченный

Дьюрин и говорит:

— Надо же... как это ты так... сама...

— Ты...ты... ты больной! — я с силой выталкиваю слова из глотки вместе с задержанным воздухом.

— Не кипишуй, солнце! Я бы все равно поймал тебя.

Яростно молочу воздух руками и ногами, неуклюже дёргаясь вверх-вниз, и кричу в истерике:

— Козел!!! Верни меня на землю!
Немедленно!

Дьюрин подлетает ко мне, закрывает рот рукой и говорит:

— Чего ты шумишь? А если нас услышат?

Он заглядывает прямо мне в глаза. Теплота его взгляда обволакивает меня, я словно тону в нём и забываю обо всём. Дьюрин берёт меня за руки, и мы, точно так же, как и поднялись, опускаемся вниз.

«Слишком неоднозначная личность, чтобы назвать его хорошим или плохим». Хорошая фраза, надо записать. Мы с Кицу уже вернулись к столику, заказали ещё по одному коктейлю. Я достаю свой маленький блокнотик и ручку. Это довольно старомодно, обычно люди записывают заметки себе на страницу в мыслесети, но мне нравятся маленькие блокноты, они очень милые. Я коллекционирую интересные фразы и записываю

их, чтобы не забыть. Иногда они пригибаются для написания заклятий. Иногда я думаю о том, что мне стоило поступать на факультет лингвистических исследований заклинаний.

Блондинки Дьюрина, видимо, ушли припудрить носик. Дьюрин подошёл к нам, облокотился на столик и громко сказал, перекрикивая музыку:

— Привет, крошки!

Кицу отвернулась и прыснула в плечо.

— Как дела? — спрашивает у меня Дьюрин.

— Да так, учусь, — отвечаю я, — а ты как?

— Тоже нормально. Работаю.

— Все еще встречаешься с Ми?

— Да, у нас все в порядке, — сказал Дьюрин, даже не моргнув глазом.

Неоновый луч сканера желаний скользнул по Дьюрину, и в ядовито-голубой полосе стали видны клубы дыма, а потом появилось изображение Дьюрина, целующего взасос Кицу.

— Ну ты и животное, — сказала Кицу, ехидно фыркнув и закатив глаза.

— Не больше чем ты, лисичка, — ответил Дьюрин.

Блондинки вернулись за столик, и Дьюрин был вынужден покинуть нас. Пара слов объяснений на ушко — и все вопросы улетучиваются. Он это умеет.

— Из-за чего вы расстались? — спрашивает Кицу, поправляя макияж у зеркала в туалете.

Она никогда не любила Дьюрина, и мы почти не говорили о нем.

— Меня взбесила одна из его интрижек. Вообще-то говоря, он никогда не упустил возможности соблазнить очередную девушку. Да и в начале отношений Дьюрин дал мне понять, что мы просто любовники. Сначала меня это устраивало, но через два года... надоело, в общем.

— Не обижайся, но я очень обрадовалась, когда вы разошлись, — говорит Кицу.

— Да что обижаться, — отвечаю я, — мне было трудно с ним расстаться, но я знала — время уже пришло.

Из-за столика в глубине зала послышался пьяный крик:

— Вит-че-ры!!!

В ответ послышался вялый вой. Мы с Кицу поморщились.

— О неет, — протянула я.

— Витчеры мертвы, — мрачно буркнула Кицу.

Когда мы выходили из клуба, Кицу спросила:

— И почему витчеры превратились в эти отбросы общества?!

«...В 80-е годы начался кризис. Причём, это случилось почти одновременно и у нас, и в странах запада. Кризис вызвало то что экономика жадно хваталась за новые возможности использования м-эфира. Изобретались все новые и новые технологии его применения и внедрялись практически повсюду. В то же время, людей, которые на должном уровне владели магией, не хватало. Работники, которые не использовали м-эфир на рабочих местах, рисковали потерять работу. Эти процессы начались ещё давно, но к 1986 году масштабы проблемы стали катастрофическими. Кроме того, число преступлений, в которых использовались новые магические технологии, тоже неуклонно увеличивалось, а органы правопорядка не успевали за изобретательностью преступников. Власти поняли, что магия вышла из-под их контроля», — сказала Бригид и отпила воды.

Сегодня она одета в просторную кофту, похожую на пончо, красивого зелёного цвета, который подходит к ее рыжим волосам. Она стоит на помосте перед ярусными сиденьями, скрестив ноги и опираясь поясницей на стол.

— И зачем нам изучать эту хрень в институте техномагии? — говорит Полоз у меня над ухом.

Ван, Полоз и ещё несколько человек с нашего

потока в один голос возмущаются против гуманитарных предметов. Мне это непонятно. Что они, со своей техномагией в пещере будут сидеть?!

«...Политические меры только усугубили кризис, потому что экономика была полностью зависима от магии. Были предприняты попытки построить производство безо всякой магии, где-то они окончились успехом, а где-то — нет. Все поняли, что некоторые области промышленности уже не могут обойтись без использования м-эфира. Особенно это касалось диагностики производственных линий и телепортационного транспорта, которые позволяли сэкономить огромные деньги.

90-е годы ознаменовались поиском баланса между магическими и не-магическими технологиями. Те, кто плохо владел магией, были обозлены на магов и обвиняли их в том, что начался кризис. Были и случаи расправ, но не очень частые: в основном люди боялись нападать. К магам отношение стало двояким: их презирали и боялись, но общество не могло без них обойтись. В это же время появилась молодёжная субкультура, названная «витчери». Это были подростки и молодёжь, которые самостоятельно изучали и творили магию», — продолжила Бригид.

Я поднимаю руку, встаю и спрашиваю:

— Как вы считаете, почему появились

витчеры?

— Интересный вопрос, — говорит Бригид, — у меня мнение такое. Субкультуры отражают те дефициты, которые есть в обществе. Традиционная культура не отвечает потребностям людей, и они создают контркультуру, которая старается вернуть баланс.

— А какой был дефицит в то время? — спрашиваю я.

— Тогда не хватало понимания того, что есть магия. Было много споров о том, благо она, или вред. Общественное мнение склонялось к тому, что магия опасна, и заниматься ей не стоит. А молодёжь этот ответ не устроил, и она сама решила найти ответ.

Я киваю и сажусь. Вот оно в чём дело. Ситуация поменялась. Раньше нам нужно было держаться вместе, чтобы избежать социальной изоляции. Теперь такой проблемы нет — на магию нет запретов, и смысл субкультуры тоже исчез.

Борцы с системой, кем вы стали теперь... Потребителями гипнококтейлей и фальшивых сексуальных фантазий?!

* * *

Со стены на меня смотрят портреты Никола Тесла, Роджера Бэкона и других знаменитых

учёных. Я иду по коридору мимо деканата и останавливаюсь напротив расписания. Интересно, не поменялось ли что-нибудь? В начале семестра оно меняется чуть ли не каждый день. Вдалеке в коридоре появилась фигура. Это грузный мужчина с неровной походкой. Он идёт, чуть прихрамывая, но, тем не менее, довольно быстро, и от этого движение выглядит семенящим. У него жидкие седые волосы и густые брови, нависающие над глазами. Я быстро узнала в нём Вира¹¹, заведующего нашей кафедрой.

Вир родом откуда-то из западной части России, а, может, даже из Украины. Имя он взял себе украинское, это точно. Сколько я себя помню, он всегда был заведующим нашей кафедры, я ещё проходила у него собеседование перед поступлением.

Когда Вир поравнялся со мной, я повернулась и поздоровалась. Он энергично кивнул и тоже поздоровался. И тут какое-то смутное воспоминание пролетело у меня в голове. Как будто я забыла о чем-то очень важном и интересном. Что же это? И тут я вспомнила. Ведь когда-то давно место Вира занимал Блез!

О, помню, как лет в 15 я нашла в домашней

---

¹¹ Вир (укр. вир) — водоворот, омут.

библиотеке книгу Блеза, она называлась «Вода как носитель природной и человеческой магии». Как я зачитывалась ею! Таинственный мир древних ритуалов, связанных с водой, загадочных сил, заключённых в ней, создавал в моей голове вереницу романтических и пугающих образов. Тёмные, тягучие, влекущие на глубину воды древних священных роц или звенящие, разбивающиеся о камни хрустальные потоки ручьёв... Блез — это не только выдающийся учёный широких интересов, он знаменит ещё и звучным языком своих работ. Каково же было моё удивление, когда я узнала, что он возглавлял кафедру, а затем факультет, тут, совсем рядом! Только это было давно, задолго до того, как я поступила сюда. Интересно, что с ним сейчас? И жив ли он ещё?

Я скоро забыла бы об этом, если бы на следующий день Астра Валентиновна не сказала взять учебник в библиотеке. Страшно ворча про себя из-за того, что преподаватель не могла дать какой-нибудь учебник, который можно достать в мыслесети, я все же пошла за книгой.

Давно я здесь не была, и притом тут почти ничего не изменилось. Наша библиотека выглядит как декорации для съёмок древней гробницы или логова ведьмы. Бледный свет льётся из завешенных окон, на полу и стеллажах лежит слой пыли, а углы

затянуты плёнкой паутины. Библиотекарь по имени Арахна¹², бледная высокая женщина с гладко убранными волосами сидит за своим столом возле двери. Выражение полного господства. Это её царство.

— Здравствуйте, — говорю я, — мне нужен учебник «Нумерология и астрология».

— Кто автор? — спрашивает Арахна.

— Астра Центриус, — говорю я.

Арахна осматривает стеллажи, наконец, показывает мне на один из них и говорит:

— Вторая полка снизу.

Пылинки кружатся в луче света посреди комнаты. Я пересекаю зал и иду туда, куда указала библиотекарь.

— Не этот, — говорит Арахна, — за ним.

Я захожу за стеллаж, и она совсем исчезает из виду. Лёгкое волнение накатывает на меня, словно я оказалась в заброшенном царстве в поиске сокровищ.

А вот и полки с маркировкой «Н». Нумерология, нумерология... И тут я краем глаза замечаю на полу в проходе коробку с книгами. Я беру одну из них в руки. Это красивая книга с позолоченной каймой на обложке. Читаю название:

---

¹² Арахна (греч. αράχνη) — паук.

«Институт техномагии: даты, события, лица». Видимо, одно из тех изданий, которые печатаются на память и никем не читаются. Я уже хотела положить её обратно, но тут меня осенило: «Там же наверняка есть что-то про Блеза! Надо обязательно изучить её дома».

Я пришла в комнату и сразу плюхнулась на кровать, положив рядом с собой учебник и книгу. Вул слушает музыку из мыслесети и убирается в шкафу. Что на неё нашло, раз она решила сделать уборку?! Собралась на свидание и не смогла найти любимую кофточку?! Ну да чёрт с ней. Открываю книгу на случайной странице и вижу на ней две коллективные фотографии. Похоже, что это снимки сотрудников института в разные годы. Жёлто-оранжевые фото, люди стоят на ступенях в три ряда на крыльце с главного входа. Пролистываю ещё несколько страниц, везде похожие изображения, снимки разных лет. О, а вот и Блез! Стоит по центру, в мантии, бородатый и довольно улыбается. Листаю дальше, одни и те же лица, даже стоят в одинаковом порядке... И тут... что такое? Одно фото отличается от предыдущего... Да, вот на этом фото уже нет Блеза, да и многих сотрудников тоже нет. А следующий год?

Я переворачиваю страницу и не верю глазам. На этом фото практически нет ни одного человека,

который был на снимке два года назад. За два года коллектив института поменялся почти полностью! Как такое могло произойти? Так быстро...

Я сверяюсь, сравнивая подписи фотографий. Мара Полякович... Равен Крестовский... нет, тоже нет! Кунелиус Мартус... знакомое имя... точно, он есть на обеих фотографиях... и, по-моему, он до сих пор работает здесь!

Проверяю ещё раз. Нет, никого я больше здесь не знаю. Они либо работают где-то ещё, а может, уже умерли. Но Кунелиус... вот кто мне расскажет о том, что случилось! От радости я чуть не хлопаю в ладоши.

Откидываюсь на подушку, смотрю в потолок и задумываюсь на миг. Что же могло случиться? Это было в 1986–1988 годах, во время экономического кризиса. Может, работа в институте перестала быть престижной? Или зарплата стала очень маленькой? У сотрудников был веский стимул сменить работу... Не похоже, что причина в этом, ведь пришли новые люди, а этого бы не произошло, если бы вакансии были совсем уж непривлекательными.

* * *

Стучусь в деревянную дверь каморки

Кунелиуса¹³. Раньше он был доцентом, но годы берут своё, и старческое слабоумие не миновало дедушку. Кроме того, я слышала, что у него проблемы с алкоголем... Ох уж эта старая гвардия! Продолжают пить спирт, хотя давно изобрели гипнококтейли, а они не вызывают похмелья и зависимости. По крайней мере, физической. Из-за былых заслуг Кунелиуса не отправили на пенсию, а перевели в должность техника... Однако, мне никто не открывает!

Я осторожно толкнула дверь, и она поддалась. Маленькая каморка завалена причудливыми предметами. Полки заставлены старыми осциллографами, антеннами немыслимой формы и другими приборами загадочного назначения. Колбы, стеклянные трубки и бутылки, много бутылок, пустых, и полных. Сам хозяин комнаты спит, развалившись в кресле. Может, не стоит его будить? Но я просто горю нетерпением поговорить с ним, поэтому наклоняюсь к нему, трогаю за плечо и очень вежливо говорю:

— Мастер Кунелиус, проснитесь, пожалуйста.

Он открывает глаза, резко дёргается, чуть не падая с кресла.

— Пффктоф ты?! — восклицает он.

---

¹³ Кунелиус (греч. κουνέλι) — заяц, кролик.

— Что? — спрашиваю я.

— Кто ты? — говорит Кунелиус, промаргиваясь.

— Меня зовут Мар, и я хочу с вами поговорить.

Моё внимание приковано к глазам Кунелиуса. У него совершенно безумный и рассредоточенный взгляд. Его зрачки будто живут отдельной жизнью. Они медленно и хаотично двигаются, будто шарики скачут в глазницах. Временами старичок промаргивается, и тогда его зрение обретает фокус, но ненадолго. У него короткая борода и усы, как на фото в молодости, только теперь они совсем белые, и такая же хитрая улыбка. Волосы на голове седые и редкие. Похоже, у него не хватает зубов, потому что он шепелявит.

— Вы ведь работаете на факультете очень давно... Я хотела спросить у вас про Блеза... и ещё я хочу узнать, что случилось здесь в 1986 году? — спрашиваю я.

— Хо-хо-хо! — смеётся Кунелиус глухим смехом.

— Что такое? — спрашиваю я.

Его смех начинает выводить меня из себя.

— Хо-хо-хо! Когда запоёт фтарый жфуравль, вода из засофшего источника укафжет ответ, — говорит Кунелиус, щуря глаза и растягиваясь в хитрой улыбке.

— Чего??? Это шутка что ли?!

— Всё, всё. Больше ничего не знаю!

И Кунелиус выставляет меня за дверь. Поверить не могу! У старого хрыча совсем мозги засохли! Что он несёт?! Я так ждала, что он даст мне ответ, а вместо этого...

* * *

— Тема нашего сегодняшнего занятия: связь астрологического знака с типом ауры, — сказала Астри Валентиновна. — Аура — это оболочка, которая окружает все живые объекты. Она невидима для обычного зрения. Она бывает следующих типов...

Астри Валентиновне уже за тридцать. Издалека она выглядит лет на 25, потому что старается подражать молодым. Но все равно предательские морщины вокруг глаз выдают её возраст. Короткие волосы цвета каштана всегда идеально уложены, макияж у неё яркий, но не вульгарный. Меня раздражает её чрезмерное стремление выглядеть моложе и чопорная манера держать себя.

— А вы видели ауру? — спрашивает её Ван.

— Конечно! — возмущённо говорит Астри, — я делала диагностику ауры в специальном приборе.

— Но ведь нет приборов, которые засекают

ауру, — возражает Полоз.

— Как это нет! — завелась Астра, — я же видела!

— Вообще-то, это правда, — говорю я, — приборы, которые называют ауровизорами, показывают не ауру. Они основаны на эффекте Кирлиана ¹⁴. Это явление происходит в электрическом поле, а не в поле м-эфира.

— Ну так вот, возмущение электрического поля связано с возмущениями поля м-эфира, — говорит Астра.

— А вот это как раз-таки не доказано! — парирует Полоз.

— Не верят они мне, да?! Что вы себе позволяете! Спорят ещё со мной! — возмущается Астра.

Полоз хищно ухмыляется и возбуждённо раздувает ноздри. Он откидывается на спинку стула, сложив руки на груди, и встряхивает своими короткими тёмными волосами. Карие глаза хитро щурятся, словно разглядывая добычу. Он никогда не упускает возможности поругаться с преподавателем, которого ему удалось задеть. Хотя

---

¹⁴ Эффект Кирлиана — появление электрического разряда в переменном электрическом поле высокой частоты. Вызывает свечение вокруг объекта.

не ядовитый змей, а кусается ещё как!

Аура — это очень спорная тема в современной науке. Некоторые люди утверждают, что видят её, но их слова на нынешний момент ничем не подтверждены. Некоторые говорят, будто ауры нет, другие — что способность её видеть сродни способности к предвидению. Мол, некоторые люди способны замечать малейшие возмущения в м-эфире, так почему не может быть способности видеть ауру?! По крайней мере, способность к предвидению можно проверить тем, сбываются ли предсказания, а распознавание ауры пока никак не проверяется. Да и в принципе непонятно, существует ли она, или нет. Тёмное дело, в общем.

Пока Астри и Полоз ругаются, я смотрю в окно, скучая. И тут я замечаю во дворе машину с надписью «Аварийная служба». Я привстаю, стараясь разглядеть получше, и вижу рядом с ней ещё одну, точно такую же.

— Что такое?! — говорю я, — во дворе какая-то авария?

Все удивлённо посмотрели на меня, а потом бросились к окну.

— Что там, что там?! — возбуждённо кричит Дракон.

— Не видно ничего, — говорит Ван, — это со стороны жилого крыла.

— После занятия выясните, — властно сказала Астри Валентиновна. Она подошла к окну, загородив нам весь вид, и жестом дала понять, что мы должны сесть.

На перемене мы высыпали на крыльцо, чтобы посмотреть. Яркое солнце бьет в глаза. По двору ходят рабочие в сапогах и комбинезонах, от машин тянутся шланги. День очень ветреный, и журавль колодца, поскрипывая, колеблется под его порывами. И тут я замечаю, что шланги подведены к колодцу, а из-под его основания сочится вода, растекаясь по двору и постепенно покрываясь ледяной корочкой.

Откуда в колодце вода, и так много?! Он же вроде пересох?!

Вода из засохшего источника...

Стооп... Об этом говорил Кунелиус?!

А что там еще было?

Журавль...

Вот этот журавль, что ли?

Нееет... Не может быть!

«Когда запоёт старый журавль, вода из засохшего источника укажет ответ». Ну и где этот ответ? Вода из источника укажет...

Вода просто растекается по двору! Это бред. Не вижу я никакого ответа. Это бред старого маразматика.

Глава 3. Вода поднимается

Струи воды натекают на тонкую наледь, наползают друг на друга, застывают подтёками.

Бегут, бегут, пока мороз не пригвоздит их к земле.

Самые резвые из них добегают до стены и там устремляются в щели между досками забитого окна. С оглушительным эхом они капают в темноту подвала. Вода все прибывает, мороз уже не успевает остановить её, и шумящий поток устремляется под здание...

Я подскакиваю в холодном поту. Мы тонем! Подвал учебного здания скоро превратится в бассейн! Нужно всех предупредить!

Спокойно.

Я в своей комнате.

Сейчас ночь.

Это был сон?

Я облегчённо плюхнулась на подушку. Мои сны бывают такими правдоподобными, что иногда я не отличаю их от реальности.

Вода затекает в подвал... Да, логично. Это ближайший сток, куда она могла попасть. Вода из источника укажет ответ... Кунелиус имел в виду, что надо искать в подвале?

Так, и что, я теперь должна в подвал лезть?! А если это просто совпадение?

Может быть, и правда совпадение, а Кунелиус действительно не в своём уме, как я и подумала. Или он просто притворяется сумасшедшим, старый хитрец... А может быть, у него дар предвидения. Безумие не помеха для таланта провидца. А иногда этот талант появляется именно после того, как рассудок закрывает за собой дверь.

Попытки заснуть не увенчались успехом, я лежу в кровати, смотрю на тёмное небо в окне и думаю. С тех пор, как произошла авария, прошло 4 дня. Не знаю, в чём там было дело, но вроде все уладили. Нам сказали, что прорвало водопроводную трубу где-то под университетским двором, вода растеклась под землёй и добралась до колодца, а уже через него стала вытекать наружу.

Ну хорошо, я пойду туда. А что я буду искать? И где именно? И есть ли там то, что мне нужно?

Может, сначала попробовать что-то ещё? Да, Кунелиус — это не единственный источник информации. Надо поискать что-нибудь в мыслесети о событиях тех времён.

— Нексус, Нексус, — зову я.

— Слушаю, — слышится ответ через секунду.

— Привет, милый, — говорю игриво, — соедини меня с узлом Магуг.

— Сейчас будет готово, — говорит он с заметным подъёмом в голосе.

И перед моими глазами появляется строка

поиска. Начну с Блеза. Набираю «Блез Клермонов». Так... биография... Родился в 1932 году... это я всё знаю... Вот! Работал в Университете Практической Магии (УПМ) с 1964 года. С 1964 по 1971 год — заведующий кафедрой управления потоками м-эфира. С 1971 по 1986 возглавлял факультет телекинетического управления. Почему ушёл? Не написано. Читаем дальше... создал команду из четырёх человек, в которую, кроме него, входили Равен Крестовский...

— ААА! — слышится крик Вул.

— Что у тебя случилось? — испуганно спрашиваю я.

— Это с тобой что случилось?! Ты меня напугала... А, черт, ты в мыслесети сидишь! Ты такая же чокнутая, как и эти фанатики, которые работают администраторами! Нормальные люди пользуются визуализаторами вообще-то!

«Ааа», — смекнула я. Когда просматриваешь страницы в мыслесети прямо у себя в голове, глаза закатываются. Видимо, Вул здорово перепугалась, когда увидела в полутьме мои пустые белки. Она-то просматривает страницы в визуализаторе м-эфира. По-моему, это для тупых. Я не понимаю, зачем ими пользоваться, если можно загружать информацию прямо себе в голову?!

Продолжим. Значит, команда Блеза. Судя по фото в книге, они ушли в первый год, когда только

началась смена сотрудников. Логично, что они ушли все вместе... Они были выдающимися учёными, значит, могли подать пример своим коллегам. Другие работники кафедры могли уйти за ними или же могли прийти к выводу, что нужно уходить, раз такие выдающиеся люди покидают факультет. Но первопричина увольнения Блеза остаётся непонятной. А где он работал после этого? И где он сейчас?

После прочтения одной из статей я сделала вывод, что Блез больше не работал в сфере образования и полностью погрузился в науку. Он занимался исследованиями Арктики под эгидой Академии наук. Что он забыл в Арктике? Глобальное потепление изучал, что ли? Кстати, да, может, он продолжил свои исследования магии воды?

* * *

Город стоит над заливом, как огромный сказочный дворец, сверкая холодными огнями. Сияют окна домов, сияют фонари и прожекторы в порту. Поверхность моря гладкая, как пол в гигантском бальном зале. Отражённые огни вытягиваются в иллюзорные колонны, и основание дворца уходит вниз, теряясь во мраке морской глубины... В такие моменты, когда я сижу одна, в

темноте, мне кажется, что я узница одинокой башни. Я отшельник в заброшенном замке. Мы живём на острове посреди океана холодных ветров. Мы живём вдали от всех и с высоты смотрим на город.

— Знаешь, Кицу, по-моему, я поняла, почему субкультура витчери умерла, — говорю я.

— Ммм? — протягивает Кицу.

— Нам недавно на истории говорили, что субкультура показывает дефициты общества. В то время ведь магию пытались запретить...

— Ну да, — кивает Кицу.

— Это был такой ответ на возникшие противоречия. Но часть людей такой ответ не устроил. Вот и появилась субкультура.

— Ага. Но ты обещала рассказать про то, почему она умерла.

— Да, а сейчас такой проблемы нет. Магия разрешена, ей специально учат. Смысл в субкультуре исчез.

— Ну... фиг знает, — протянула Кицу, — по-моему, сейчас как раз-таки её не хватает. Ты посмотри, на каком уровне люди пользуются магией!

— Ну да, — с досадой вздыхаю я, — на уровне потребления гипнококтейлей и фальшивых сексуальных фантазий.

— Можно же было... я не знаю... продолжать

развиваться. Но нет, простой путь очень привлекателен, — сказала Кицу.

— А. Люди — идиоты, — говорю я, махнув рукой.

Мы замолчали на несколько секунд. Я посмотрела на Кицу. Она сидит на корточках, вытянув одну ногу вперёд, сосредоточенно глядя в темноту разлома в стене. Пальто, отороченное мехом, высокие замшевые сапоги и длинные прямые волосы делают её похожей на индианку.

— У меня новый парень, — прервала молчание Кицу.

— Да? Как его зовут? — спрашиваю я.

— Барс. Он классный. Знаешь, мы обращаемся, когда занимаемся сексом.

— Оу. Измененная реальность для усиления ощущений...

— Ммм, это супер, — протянула Кицу, — настоящий животный секс.

Я никогда не использовала магию для этих целей. Даже как-то не думала. Наверное, я скучная в постели.

* * *

Захожу в комнату, бросаю сумку на стол, сама бросаюсь на кровать. Прохладное покрывало приятно охлаждает лоб. Как гудит голова...

теоретические основы техномагии... меня скоро от неё тошнить уже будет... 3 пары подряд у Кардануса — это просто смерть...

Оглядываю комнату. Тупая соседка опять куда-то ушла. Ну и хорошо.

Жую хлеб с джемом, задумчиво бродя по комнате. Время до вечера свободно... Пописать заклинания, что ли?

Магическая сила слов всегда меня привлекала. Наверное, почти так же, как и магия воды. Я люблю иностранные языки. Даже просто произношение слов, непонятное и загадочное, уже меня привлекает. Не говоря уже о заклинаниях на других языках. «Aqua ad aquam, terram terrae...» И почему мы не учим латынь? У меня есть мечта, составить свою книгу заклинаний. Это очень большой труд, потому что в ней должны быть разные разделы, чтобы книга была универсальной подборкой заклятий. Это очень высокий уровень, когда маг всегда пользуется своими разработками. Ещё я хочу, чтобы мои заклинания были произведением искусства. Я прямо-таки эстетический оргазм получаю, когда читаю яркие, образные, сильные заклятия. А не это рифмоплётство типа того, что я произношу, чтобы поджарить яичницу. Конечно, смешно читать что-нибудь пафосное, когда готовишь обед, но всё-таки от рифмоплётства мне противно.

Я достаю из кармана свой блокнотик, листаю его. В задумчивости перевожу взгляд в окно, на голые ветви, качающиеся на ветру. Облокачиваюсь на спинку стула, вытянув ноги. Слова прыгают, мелькают в моём уме, как длиннохвостые попугайчики. Пытаюсь выловить их, ухватить за хвосты.

Отгони суету...

Отгони суету...

Отгони суету, разгони серых дней дым...

Скользко, будто стою на льду. Не получается совладать с мыслью. Вот она, вот — и выскальзывает. Суета сует и томление духа. Нет, не получается. С досадой захлопываю блокнотик и откладываю его. Да ладно, чего мне?! Я же не на ФЛИЗе учусь, я же не лингвист.

— Нексус, — зову я, — соедини меня с Mindimage.

В Mindimage я просматриваю свою страницу в поиске сообщений от других участников сети. Потом вызываю своего даймона, у меня он имеет форму русалки, и мы отправляемся в плавание по сети мыслеобразов. В моей голове проносятся облака из страниц, соединённых серебристыми нитями ссылок. Русалочка плывёт вдоль нити и перескакивает со страницы на страницу. Пробегаю глазами новости.

Шмендрик ¹⁵ ищет барабанщика в новую группу...

Если ты поцелуешь меня, я превращусь в прекрасного принца...Нет, я лучше оставлю себе говорящую лягушку...

Помогите, мой сын занялся любовной магией...

Скоро сессия. Десять незаметных магических приёмов для экзамена.

Мне нравится изменять скорость просмотра. Русалочка начинает бить хвостом, и страницы молниеносно переворачиваются, разлетаясь одна за одной. На миг она останавливается и ныряет в одну из страниц, а потом, медленно выгибаясь, плывёт между них по линиям ссылок. Затем я снова ускоряю просмотр, и вот страницы и заголовки мелькают перед глазами, как огни ночного города в окне автомобиля, едущего на огромной скорости по магистрали. А если ещё и включить интерфейс с подсветкой, создаётся полная иллюзия того, что перед тобой расползаются светящиеся змеи фонарей и фар. Ух! Аж голова начинает кружиться от этого мелькания, как будто я сама лечу куда-то.

Я забываюсь, растворяюсь в этом мелькании

---

¹⁵ Шмендрик — персонаж романа Питера Бигла «Последний единорог».

огней, в этом потоке слов и образов...

Я вздрагиваю и просыпаюсь.

Из-за чего я проснулась?

Вроде приснилось что-то...

Промаргиваюсь, отгоняя остатки сна.

Ощущения мерзкие. Шею и плечо заклинило. Разминаю их, вращая плечом. Больно аж до тошноты. За окном ночь, комната погружена во тьму. Чувствую сквозняк кусочком ступни, выглядывающей из тапочка. За окном, как обычно, слышен вой ветра. Смотрю на панель кодировщика м-эфира. Время 5:29. Полшестого. Черт. Получается, я вот так, сидя на стуле, заснула, пока просматривала страницы в Mindimage. Ааа... Я же ещё хотела постирать... Ладно, попробую поставить на автопроцесс.

Я раздеваюсь, ложусь в кровать. Поёживаюсь от холода одеяла, остывшего от сквозняков. Ложусь на спину, вытягиваюсь, закрываю глаза. Так, сейчас главное не заснуть. Вспоминаю всю одежду, которую нужно постирать, представляю её себе. Ага, отправляем её в бытовку. Набираем воду в таз, насыпаем порошок. Так, а теперь берём край одежды, трём его в мыльной воде. Мысленно выделяю каждую из вещей. Всё повторить для каждой. Потом представляю полоскание, отжим и развешивание. Так, запрограммировали м-эфир... Хыыы... Зеваю... можно спать дальше...

Открываю глаза и несколько секунд смотрю в неровный каменный потолок. Комната становится ещё холоднее от белого утреннего света. В глазах как будто песок, и кажется, будто по потолку ползают прозрачные червячки. Фу, ненавижу это ощущение. Какие сегодня пары? Пара истории и две по практической алхимии. Подскакиваю с кровати. Меня обрадовала мысль о том, что я встречу с Бригид. Сегодня должен быть хороший день, ни одного из нудных преподавателей.

Одежда на верёвке висит, сохнет. Конечно же, ещё не высохла. На брюках мыльное пятно. Чертыхаясь, выполаскиваю остатки мыла. Представляю себе волны горячего воздуха, и в комнате появляется невидимый вентилятор. Подвешиваю в воздухе под его струями одежду, а сама начинаю в спешке собираться. Блин, я такая растяпа, почему я постоянно опаздываю?!

«...Как я уже вам говорила, для того, чтобы получить «пять», вам нужно будет прочитать два труда, которые повлияли на развитие магической практики, законспектировать их и показать. Можете сделать заметку в мыслесети и прислать её мне. Или на бумаге, — сказала Бригид в конце пары. — Есть список рекомендуемой литературы, но вы можете выбрать книгу не из него, только сначала посоветуйтесь со мной».

После пары несколько человек с потока

окружили Бригид.

— А покажите список литературы, пожалуйста, — попросила Равена.

— А можно мне прочитать «Дао де дзин»? — спросила я.

— «Дао де дзин»? Спорный вопрос, повлияла ли эта книга на магическую практику. Тогда вам нужно будет это доказать. Я понимаю, что восточные учения сейчас очень в моде, но все же есть более подходящие нашему курсу книги...

Понятно. Что же выбрать для конспекта, чтобы читать было поменьше и достать не очень сложно...

— Итак, мы с вами наконец-то закончили с моделированием, и сейчас будем делать лабораторную работу непосредственно на веществе, — сказал Фолко. — Это задание аналогично нашему прошлому, только вместо модели вы будете работать с препаратом альфа-глюкозы.

Фолко достал из шкафа несколько чашек Петри и телепатически переместил их на наши столы. Внутри чашек были прозрачные кристаллы.

— Итак, вы видите в чашке кристаллы глюкозы. Вам нужно преобразовать альфа-форму в бета-форму. Вспоминаем прошлое занятие. Что нужно сделать, чтобы провести этот опыт?

Я поднимаю руку и говорю:

— Нужно поменять местами атомы Н и ОН.

— Как именно?

— В правой части кольца будет соединение с Н и ОН, нужно Н опустить вниз, а ОН, наоборот, поднять.

— Правильно.

Фолко внимательно смотрит на группу. Увидев непонимание в глазах студентов, он говорит:

— Что, непонятно? Вспоминаем, на прошлом занятии была модель. Помните?

— Да помним, помним, — говорит Песец.

— Что вы делали с моделью? — спрашивает Фолко.

— Поменяли местами голубой шарик с двойным бело-голубым шариком, — хихикая, говорит Дракон.

— Ну правильно, — говорит Фолко, — а голубой шарик — это что?

— Водород, — отвечаю я.

— А белый? — спрашивает Фолко.

— Кислород, — протягивает Равена.

— Вот, — заключает Фолко, — меняем местами атом Н с атомом ОН. Так понятно?

— Угу, — хором уныло мычат студенты.

— Так, сейчас нащупываем м-эфир, — говорит Фолко, — и будем учиться просматривать микроструктуры. Сели ровно, сконцентрировались.

Через несколько секунд Фолко спрашивает:

— Нащупали м-эфир?

— Угу, — мычим мы.

— Теперь читаем заклинание. Слушаем меня внимательно и повторяем. И пенетраре мистериа, — начал Фолко.

— И пенетраре мистериа, — повторяем мы.

— Ад видендум дей эссенциам.

— Ад видендум дей эссенциам.

— Пер минима универси.

— Пер минима универси.

От этих загадочных слов и нашего хорового мычания у меня мурашки пробежали по коже. Ноздри раздулись, а за ушами похолодело.

— Теперь сконцентрируйтесь на кристаллах. У вас должно возникнуть видение, будто вы опускаетесь к кристаллу и проникаете внутрь него.

Я и правда почувствовала, будто падаю. Взгляд затуманился, как будто я смотрю через стекла очков. Кристаллы превратились в белую дымку, похожую на следы от петард после фейерверка. Затем приближение начало усиливаться, и тут меня отвлек резкий шум.

— Ой, получается, — удивлённо восклицает Полоз, — ой-ёй, я падаю!

— Я рад за тебя, — говорит Фолко, — только не отвлекай, пожалуйста, других. У остальных получилось?

Дракон смущённо отводит глаза. Остальные растерянно разводят руками.

Я вздыхаю, раздосадованная тем, что потеряла связь с м-эфиром. Вот дурилки. Всему вас учить надо.

— Так ничего не получится, — говорю я. — Нужно, чтобы заклинание помогло настроиться. Что это заклинание означает? Это латынь? Как оно переводится?

— Я проникаю в тайны, чтобы увидеть истину в мельчайших частицах Вселенной, — отвечает Фолко.

— Может, говорить его на русском? — спрашиваю я.

— Ну, попробуйте на русском, — растерянно говорит Фолко.

Я проникаю в тайны, чтобы увидеть истину...

Я проникаю в тайны, чтобы увидеть истину...

Под мерный гул голосов, бормочущих заклинания, я снова погружаюсь внутрь поля м-эфира. Кристаллы приближаются, рассыпаются в белую дымку, а затем я вижу очертания цепочек молекулы. Концентрацией ума я приближаюсь ещё сильнее, так, что теперь могу разглядеть молекулярную структуру, похожую на ту, что мы строили в визуализаторе м-эфира. Концентрирую внимание на атомах с краю молекулы и представляю, как они меняются местами. Ничего.

Стоят на месте, не двигаются.

— У кого получилось увидеть микроструктуру? — слышу я голос Фолко.

Не отводя глаз от чашки, чтобы не потерять концентрацию, я поднимаю руку вверх.

— Теперь, — говорит Фолко, — нужно прочесть другое заклинание и представить, как атомы меняются местами.

А, вот оно что. Ещё одно заклинание.

— Только теперь нужно быть максимально сконцентрированным. Иначе вы можете перестараться и разорвать связи между атомами. Заклинание такое: «Да ми виртутем трансмутаре».

Понятно. Сейчас трансмутируем тебя. Осуществив эту операцию, я, довольная растянулась на стуле.

— Мар, а чего вы отдыхаете? — спрашивает Фолко.

— Я сделала, — отвечаю я.

Фолко берёт мою чашку и прикрывает глаза, погружаясь в м-эфир.

— Нет, — говорит он, — атомы не с той стороны молекулы. Продолжай работу. К тому же, одна молекула — это мало.

— У меня не получается, — разводит руками Дракон с отчаянием в голосе.

Фолко со страдальческим видом поднимает глаза к потолку и подходит к ней.

— Сосредоточься. Представь, что ты проникаешь внутрь кристалла, — объясняет он.

«Боже мой, да у неё не развиты даже элементарные навыки! Как её вообще в университет взяли?!» — думаю я, с отвращением поморщив нос.

Я замечаю, что Равена, сидящая впереди меня, начинает трясти рукой. Она сосредоточенно смотрит в чашку Петри, не замечая, что из её рукава высыпаются чёрные перья. Ого, если её талисман — ворон, то у неё уже начались метаморфозы!

— Очень плохо, — говорит Фолко в конце пары, — что же мы имеем? Работу выполнили только Равена, Мар и Песец. С остальными придётся дополнительно заниматься на консультациях. Кто выполнил работу, не забудьте оформить отчёты. На следующей паре проверю. Встретимся на следующей неделе.

После пары я подхожу к Равене.

— Ты заметила, что у тебя из рукава посыпались перья? — спрашиваю я.

Равена смотрит на меня, удивлённо хлопая круглыми глазами.

— Твой талисман — ворон? — спрашиваю я.

— Да... — отвечает она.

— Тогда у тебя уже начались метаморфозы. Ты становишься похожей на свой талисман.

Равена кивнула и ответила:

— Я поняла. Я слышала об этом. А у тебя уже были метаморфозы?

— Нет, — ответила я, — у меня пока ещё нет.

«А, что если человек не знает о метаморфозах? — думаю я, — сначала он просто колдует, а потом трах — бах, и начинается... нужно, наверное, как-то людей психологически готовить к этому...»

Мои размышления прервал звонок по телепатической связи. Звонила мама.

— Мари, ну как ты? — слышу я в трубке.

— Нормально. Холодно тут. В комнате вообще задубеть можно, — отвечаю я.

— Ну у нас-то холоднее, — отвечает мама, — но, конечно, нет таких сильных ветров, как у вас. Ты смотри, не болей, теплее одевайся.

— Да, мам, конечно.

— Какие ещё новости? — спрашивает мама.

— Да какие новости, общага, учёба. Некоторые преподаватели очень нудные...

— Ну, ничего не поделаешь. Потерпи, половина пути уже пройдена. Ты там не прогуливаешь? Сессия же скоро...

— Нет, мам, не прогуливаю. Нам по истории задали прочитать и законспектировать книги... О, точно, позови папу, пожалуйста. Хочу у него спросить про книги.

— Хорошо, сейчас.

Через несколько секунд раздаётся папин голос.

— Ало, — говорит он.

— Привет, пап. Нам задали по истории прочитать две книги, которые повлияли на магическую практику. У тебя есть что-нибудь подходящее?

— Сейчас не скажу, но поищу. Я потом тебе вышлю по мыслесети.

— Хорошо, спасибо.

* * *

Маленькая комнатка освещена слабым светом лампочки, свисающей с потолка. От деревянного пола мерзко тянет холодом, но волна тёплого воздуха от печки добегает до нашего тесного круга и остаётся, растворяется между нами. Я заворачиваюсь посильнее в свой мешковатый свитер, наслаждаясь ощущениями от тёплой ткани. Мы сидим вокруг наспех сбитого деревянного стола на лавочках и на табуретках. Печка смотрит на нас огоньками дырочек в своём металлическом корпусе и разевает огромную раскалённую пасть, пока Смог ковыряется внутри, чтобы растопить её поярче. Она гудит, как опасный, но сытый и довольный дремлющий зверь. Мы тоже сыты и довольны, мы поднимаем кружки с горячим и очень

острым глнтвейном, в который Дьюрин насыпал слишком много перца.

Смог отпивает из кружки, ставит её на стол, пристраивает гитару на коленях. В ожидании смотрим на него. Он проводит пальцами по струнам и начинает тихо напевать: «Whatever happened to sex, drugs and rocknroll...»¹⁶ Мы одобрительно загудели и тут же стали отстукивать ритм, кто по кружке, кто по коленям, кто по столу. Гончар достал баночку с крупой и тоже подыгрывает, встряхивая её, извлекая треск, похожий на звук маракасов. Сорока держит во рту варган, и с каждым ударом пальцев по язычку комната наполняется гулким звоном, звоном, разбивающимся на мелкие кусочки эха.

Смог играет припев боем, на несколько секунд замедляет ритм, и мы замираем, затаив дыхание, прислушиваясь к тихому звону струн. А потом, на проигрыше, он с новой силой бьёт по струнам, и у меня аж мурашки пробегают по коже! Мы раскачиваемся в ритм, отстукивая и тихонько подпевая, подчинённые этой бессловесной древней магии.

В конце песни, на последнем проигрыше Смог немного задержался, и тут время словно

---

¹⁶ Гр. Guns'n'roses, «Sex, drugs and rock'n'roll».

остановилось. Он тихо наигрывал одни и те же аккорды раз за разом, а мы, словно не замечая, словно повторяющаяся мелодия заколдовала нас, все так же раскачивались и постукивали в такт. Я прикрыла глаза. Волны звуков, волны тепла от печки, и ещё, волны тепла откуда-то изнутри. Я почувствовала, как мои волосы и бахрома на воротнике свитера начинают приподниматься. Да. Я вошла в поле, и м-эфир расходится кругами вокруг меня. Кто-то не потушил сигарету, и воздух стал очень густым и тяжёлым, так, что кажется, будто в нём можно плавать, как в воде. Задираю голову вверх, приоткрываю глаза и вижу тёмный потолок, пятнистый от слезшей краски. И чудится мне, словно густой воздух медленно выталкивает меня к потолку, и я, оказавшись наверху, медленно делаю кувырок назад, выгнув спину.словно выхожу из своего тела и вижу сверху всю комнату и даже свою макушку. Я понимаю, что м-эфир, подчиняясь моему воображению, на самом деле начинает поднимать меня над скамейкой. Оу. Полегче.

И тут мы все устремили взгляды на непотушенную сигарету. Дымок, тонкой струйкой поднимающийся над ней, теперь словно ожил. Струйка извивается змеей, сворачивается в клубки, и теперь я вижу дерево, вырастающее из кучки пепла. Ветви дерева колыхнутся, будто от ветра, их

контуры размываются и складываются в новые, в контуры танцующего человека. Ствол дерева задвигался и превратился в ноги, прыгающие в ритме музыки. Дымок изгибается, растекается по комнате, рисуя картины огромной толпы, словно волна,двигающихся в одном ритме... Мы глядим на него, притихшие, замороженные, и лишь Смог продолжает по инерции наигрывать мелодию, продолжая тянуть между пальцев тонкую нить между нашим миром и миром м-эфира.

Наконец, Смог ударяет ладонью по струнам и говорит: «Ну все, хватит! Заканчиваем этот индейский рок-н-ролл». Я огорчённо вздыхаю и думаю: «А и правда, нельзя же вот так вечно сидеть. Кстати, сколько это продолжалось?...»

Волны... У меня так здорово получилось почувствовать связь с м-эфиром при помощи этого чувства... как будто накатывает волна.

Океан

Прибой

Море...

Да, море.

Я поднимаюсь из-за стола и говорю:

— Я придумала себе талисман.

Компания одобрительно загудела.

— Теперь называйте меня «Мар», —
продолжаю я.

— А что это значит? — спрашивает Дьюрин.

— Мар — это море, — отвечаю я.

— Ну, тогда, за море. За тебя, Мар, — говорит Дьюрин, глядя мне в глаза и поднимая кружку.

Кружки гулко стучат друг от друга, и мы отпиваем, дружно кашляя от частичек перца, попадающих в горло.

* * *

Я вздыхаю, зеваю и нетерпеливо смотрю на часы. Понедельник — день тяжёлый. Особенно когда у нас весь день идут пары Кардануса. Одно утешает: иногда, видимо, сам устав от нас, он отпускал пораньше. Бывало, что и вообще не приходил на занятия. Может, и в этот раз не будем сидеть все три пары?...

«...когда было открыто, что информацию можно передавать по м-эффиру, было признано, что этот способ передачи в большинстве случаев выгоднее, чем, например, при помощи радиоволн. Поле м-эфира передаёт колебания, так же, как и электромагнитное. Передача информации при помощи м-эфира требует меньше затрат ресурсов. Например, можно протянуть канал из м-эфира, и он будет невидимым, не будет занимать места и для его прокладки не требуется никакого материала, только энергетические затраты», — раздаётся по аудитории монотонный, глухой голос Кардануса.

— То есть, передача информации происходит при помощи колебаний м-эфира по каналам, построенным из него же? — спрашивает Равена.

Карданус смотрит на неё исподлобья, опустив свои очки с толстыми стёклами.

— Да, — медленно говорит он, — так и есть.

Сбившись с мысли, Карданус кряхтит, роется в кипе бумаг. У него медленные, заторможенные движения, как у механизма, которому не хватает смазки деталей. Всем своим телом, коренастым, грузным, он словно сплющивается и врастает в землю. Короткими толстыми пальцами он отодвигает от лица седые волосы, поправляет очки и, сдавленно кашлянув, продолжает лекцию.

— Итак, можно передавать информацию по каналам из м-эфира, — продолжает Карданус. — Это называется направленная передача. Также бывает и ненаправленная передача. В этом случае волны м-эфира распространяются вокруг передатчика на определённое расстояние и улавливаются приёмником. И для направленной, и ненаправленной передачи необходимы кодировщики м-эфира, которые зашифровывают данные в колебания поля, а затем перекодируют их обратно.

Под звуки монотонного голоса мои глаза закрываются, и я еле держусь, чтобы не заснуть. От духоты в помещении и борьбы со сном у меня

начинает болеть голова.

— А сейчас мы будем разбирать схемы кодировщика и декодировщика, — говорит Карданус.

О нет, опять эти нудные схемы...

Карданус открывает плакат с техномагической схемой и передаёт нам распечатки этой же схемы в уменьшенном виде. И не стыдно же ему?! Столько бумаги тратит, когда все давно уже пользуются моделями в визуализаторах! Я оглядываю аудиторию, вижу стопки бумаг и думаю: «Визуализатор м-эффира? Не, не слышал».

Прихожу в комнату, бросаюсь на кровать. Боже, как хочется спать... После лекций Кардануса впору лечь и умереть. Может, он энергетический вампир?

И тут я слышу звонок. Оповещение из мыслесети. О, письмо от папы. Наверное, он прислал мне книгу. Да, так и есть. Открываю файл, и с обложки мне навстречу выплывает огромная голова с белыми слепыми глазами и развевающимися волнистыми волосами. Ого! Похоже на античную статую Зевса. Вслед за Зевсом не меня с шелестом крыльев, волос и тканей летит сонм богинь, богов и фей. Я читаю серебристые буквы, проступившие на тёмном фоне: «Сумерки богов». Хм, интересно...

Я мысленно открываю книгу, и перед моими

глазами открывается текст: «В книгу включены произведения крупнейших западных мыслителей, которые подвергают критике религиозные идеи. Особое значение имеет тот факт, что именно эти произведения помогли освободить магическую практику от религиозных предрассудков. Некоторые из работ публикуются на русском языке впервые. Рассчитана на пропагандистов, преподавателей и студентов вузов, на всех интересующихся атеистической проблематикой.»

Ага, вот почему эта книга считается одной из тех, которые повлияли на магическую практику. Ну что ж, почитаем.

Я открываю наугад одно из произведений и читаю: «Зигмунд Фрейд. Будущее одной иллюзии.

Если долго живешь внутри какой-то определённой культуры и неоднократно принимаешься исследовать, какими были её истоки и путь развития, то рано или поздно чувствуешь искушение обратить взор в другом направлении и поставить вопрос, какая дальнейшая судьба предстоит этой культуре и через какие перемены ей назначено пройти. Вскоре замечаешь, однако, что подобное разыскание с самого начала оказывается во многих отношениях ущербным. Прежде всего, потому что лишь немногие люди способны обозреть человеческую деятельность во всех её разветвлениях. Большинство поневоле вынуждено

ограничиться одной, отдельно взятой, или несколькими областями; а чем меньше человек знает о прошлом и настоящем, тем ненадёжнее по необходимости окажется его суждение о будущем...»

Примерно через полчаса я понимаю, что я продираюсь через дебри трудночитаемого текста. Мне приходится напрягать всю мощь своего мозга, чтобы понять этот странный, вычурный язык. Я полностью погружаюсь в чтение, буквально вгрызаясь в значения предложений, перечитывая каждую фразу по несколько раз.

Сквозь полупрозрачную дымку текста я вижу Вул. Она с отвращением закатывает глаза, бросив взгляд на меня. Наверное, я опять сижу с глазами навывкате.

«...Так создаётся впечатление, что культура есть нечто навязанное противящемуся большинству меньшинством, которое ухитрилось завладеть средствами власти и насилия. Естественно, напрашивается предположение, что все проблемы коренятся не в самом существовании культуры, а вызваны несовершенством её форм, как они складывались до сего дня...»

Так, значит, он пишет, что культура подавляет человека. Я давно думала о чем-то таком. Эта мысль, а также ощущение того, что у меня все же получается воспринимать этот текст, несмотря на

его сложность, привела меня в радостное возбуждение. Так, надо вознаградить себя, немного передохнуть и размяться. Я закрываю книгу, встаю и наливаю себе чай. Хватаю из шкафа печенье, беру кружку и сажусь обратно за свой стол.

«...И нет большого смысла спорить о том, следует ли называть тотемизм религией. Он внутренне связан с позднейшими религиями человекообразных божеств, животные-тотемы становятся священными животными богов. И первые, но всего глубже осевшие, этические ограничения — запрет убийства и инцеста — возникают на почве тотемизма», — продолжаю читать я.

Сложный язык и обилие терминов продолжают занимать весь мой разум полностью. Я погружаюсь в мир тёмных человеческих страстей, подавленных желаний, в туман предрассудков и смутных догадок древних людей о том, как устроен мир. В какой-то момент я понимаю, что действительность перестаёт быть понятной и упорядоченной, я оказываюсь в мире абсурдных и пугающих образов.

«О Боже! — кричит Вул, — Мар, опять твои штучки?!»

Я перевожу свой взгляд на комнату и вижу, что у стены начинают собираться сгустки чёрного тумана. Они расползаются по комнате, окружают

меня, и на полотне чёрно-серой тучи начинают вырисовываться контуры. Полоса света пробегает по полотну, сменяясь полосой тьмы, затем снова полосой света. Туман скручивается в тонкие смерчи, они поднимаются к потолку, и вот они становятся похожи на сучковатые ветки, сухие, жуткие деревья окружают меня, потом трещины на их коре превращаются в ухмыляющиеся лица. Неясные, нечёткие контуры серого тумана превращаются в очертания пещер, лугов, рек...

— Что это за хрень?! — отчаянно кричит Вул.

— Спокойно, отвечаю я, — это всего лишь фантомы воображения.

— Ты точно больная!!! Я буду жаловаться! Тебя выселят! Или я съеду! — продолжает истерику Вул.

Я только ухмыляюсь. Я прямо мечтаю о том, чтобы она съехала.

Черные сгустки скручиваются плотнее, схлопываются и исчезают. Вул немного успокаивается. Я, ничего не отвечая, опять погружаюсь в чтение.

Я просто на секунду представила себе, каково это, жить, не умея говорить и не владея научными объяснениями, которые есть у нас сейчас. Фрейд словно препарировал, снял кожу культуры нашего общества, и теперь я видела, что под ней шевелится огромный, абсурдный, внушающий ужас мир.

Первобытный хаос. Я этот первобытный человек. Хотя бы на миг я стираю с себя налёт культуры и знаний и погружаюсь в эти древние хтонические тайны.

* * *

Я решила поговорить с Бригид после следующего занятия по истории.

— У меня готов конспект, — говорю я, доставая блокнот.

— Ага, — отвечает Бригид, — ну, рассказывай, какую книгу прочитала?

— «Будущее одной иллюзии» Фрейда, — отвечаю я.

— Интересный выбор, — отвечает Бригид, — позволь узнать, почему именно эта книга? Каким образом она повлияла на магическую практику?

Я ожидала подобного вопроса, и он не смутил меня. Действительно, в книге практически не упоминается техническое применение магии, скорее только её религиозное, ритуальное значение.

— Эта книга очень повлияла на магическую практику, прежде всего тем, что помогла снять религиозные оковы и свободно использовать магию...

— ...на благо общества, — с усмешкой сказала Бригид, — ты прямо словами советской

агитки заговорила.

Я немного смутилась, но тут же продолжила:

— У этой книги есть ещё одно значение. Фрейд был психологом и именно он заложил основы для изучения связи между полем м-эфира и психическими процессами.

— А вот это уже интереснее, — сказала Бригид.

И я рассказала про то, как нащупала краешек покрывала разумности и обусловленности. Как приподняла его и как увидела под ним пульсирующий копошащийся ком первобытного хаоса. Бригид слушала внимательно с выражением лёгкого удивления и восхищения.

— Вот этот первобытный хаос, это и есть источник магии? — спрашиваю я.

— Это пока не известно, — ответила Бригид, — исследования все ещё идут. Однако, уже доказана связь между бессознательным и способностью входить в поле м-эфира. Это предмет дальнейшего изучения психомагических наук.

— Меня прямо поразила эта книга, я везде вижу то, о чём он писал! — взволнованно говорю я.

Бригид довольно улыбается и отвечает:

— Мне приятно видеть думающих и читающих студентов.

— Да, я всегда читаю, когда мне попадается интересная книга, — отвечаю я.

* * *

Холодные, тусклые зимние дни тянулись один за одним. Незаметно наступил конец семестра и зачётная неделя, а за ней показалась и сессия. «В этом семестре четыре экзамена, — прикидываю я, — у Кардануса, Бригид, Фолко и Василиска».

Насчёт Бригид можно не волноваться, она поставит оценку за конспекты, и экзамен сдавать не придётся. С Фолко тоже не сложно, скорее всего, будет вопрос по теории и упражнение, наподобие тех, которые мы делали в лаборатории.

Карданус... Похоже, что экзамен будет таким же нудным, как и он сам. Чтобы сдать экзамен у него, нам пришлось бы вызубрить кучу страниц учебников и методичек. Пришлось, если бы он лучше владел телепатической магией.

А вот с Василиском... я даже не знаю, что мы будем сдавать ему на экзамене... Не знаю, и это меня беспокоит. Стипендии лишиться как-то не хочется.

* * *

Сдав во вторник практическую алхимию, я начала искать информацию по вопросам экзамена по теоретическим основам техномагии. Главное,

чтобы был материал, остальное — не проблема.

В пятницу утром, лениво зевая, мы собрались у кабинета Кардануса. Старичок опаздывал, как это часто с ним бывало. Наконец, медленно двигаясь по коридору, появилась его грузная приземистая фигура. Неспешно подошёл он к двери, открыл её и зашёл внутрь. Мы последовали за ним.

Ну что же, берём билеты и начинаем готовиться. Как я уже сказала, экзамен был бы очень сложным, если бы Карданус умел ловить нас на том, что мы списываем. Карданус, как и многие преподаватели, по факту не был преподавателем. Он работал на каком-то заводе, а с него попал в университет. Я не знаю, почему он так плохо владеет телепатической магией. Может, на работе она не нужна была ему, а, может, уже разучился. Я предпочла не думать об этом долго, а незаметно подключилась к мыслесети, зашла на свою страницу с подборкой информации к экзамену и стала искать ответы по билету. Многие из моих одноклассников поступили точно так же. Если бы Карданус владел телепатией на достаточном уровне, он мог просканировать аудиторию и вычислить подключения к мыслесети. Но я не ощущаю его телепатического присутствия. Так что он этого не умеет, или же попросту ему все равно. А нет, не все равно.

Я услышала возню слева от себя. Полоз

пытался спрятать под столом визуализатор м-эфира.

— Отдай немедленно! — покраснев от гнева, требует Карданус, — я тебя сейчас с экзамена выгоню!

Ну вот, как всегда. Ну кто же так делает?! Я опустила глаза в лист бумаги. Лишь бы мне самой не выдать себя. Главное, чтобы Карданус не увидел моих глаз навывкате.

Возмущённому преподавателю все же удалось отобрать визуализатор, и, сконфуженный Полоз теперь сидит, уткнувшись в лист бумаги, видимо, пытаясь хоть что-то вспомнить.

— Теперь все сдаём работы, — сказал Карданус примерно через полчаса, — да, и пока мне ещё никто не сдал курсовой проект. А я говорил, что без него я экзамен не поставлю!

Уныние тяжёлым грузом опустилось на мои плечи. Ну какой ещё курсовой проект?! Карданус все же вспомнил... Мы же всей группой договорились не сдавать, надеясь, что он забудет. Потом ещё по десять раз приходиться к нему, переделывать из-за его придирок!

— Вы должны учиться писать научную работу, — начал читать нотацию Карданус, — скоро у вас защита ВКР. Курсовой проект должен быть одним из шагов на пути к её написанию. Вы инженеры, интеллектуальная элита страны, вы должны двигать науку вперёд!

«Господи, какая наука, — думаю я, — вода одна в этом проекте».

Но Карданус не унимается и продолжает:

— У нас есть разработки, которых нет нигде в мире. Вы должны найти в своей теме научной работы что-то уникальное, что никто до вас не увидел.

Страшно вспомнить, но на первом курсе я ещё верила в этот бред.

— Когда вы выйдете на защиту, в комиссии соберутся старые мудрые аксакалы, и вы должны будете доказать им актуальность своей темы. Вот помню, когда я защищал свой диплом, руководители двух кафедр поругались во время моей защиты, — сказал Карданус, самодовольно посмеиваясь, — я доказал, что развитие техномагических производственных линий пошло по неправильному пути...

Студенты, в очередной раз слушая этот рассказ, тихо вздыхают и продолжают списывать.

* * *

Мы сидим за партами в аудитории, не сводя глаз с Василиска. Он сидит за столом напротив нас, опустив седую голову, внимательно изучая журнал посещаемости.

«Неужели будет ставить экзамен по

посещению лекций? — думаю я, — хоть так, лишь бы по вопросам отвечать не пришлось».

— Так, — сказал Василиск, — у меня будут вопросы только к тем, кто не посещал лекции. Остальным сразу ставлю «отлично».

Я облегчённо вздохнула. Я ходила на все немногие его лекции, так что «пять» мне обеспечена. И все же у меня появилось какое-то тянущее, неприятное чувство. Он готов ставить хорошую оценку только за то, что студенты покорно его слушают. Сам Василиск вызывает у меня смесь неясной тревоги и отвращения. Наверное, я чувствую какое-то несоответствие между тем, что он говорит про духовные учения, и тем, как он ведёт себя. Я не так много знаю по этой теме, но в моём понимании человек, следующий духовному пути, совсем другой.

Когда Василиск вызвал меня, что-то внутри сжалось. Я подошла к столу, опустив глаза, и протянула зачётку.

— Таак, — медленно протянул он, глядя в журнал, — отлично.

Его движения немного неловкие, как будто он смущён. Он поставил оценку, и я, избегая встречаться с ним взглядом, поспешила удалиться. Фух! У меня словно гора с плеч упала.

* * *

Как обычно, сессию я сдала на «отлично», даже на неделю раньше. Теперь у меня были целых три недели зимних каникул. На Новый год я поехала к родителям. Но в моём родном маленьком городке довольно скучная и размеренная жизнь, поэтому я не собиралась оставаться там дольше, чем на несколько дней, и вскоре снова вернулась в общежитие.

Глава 4. В болоте

Я выныриваю из тяжёлого сна, как будто выбираюсь из-под слоя ватных одеял. Голова словно подушка, раздувшаяся от перьев. Опять этот бесконечный день под белесым брюхом неба. Бледный свет из окна заставляет меня поморщиться в отвращении. Я смотрю на часы. 13:25. Черт. Опять сплю до обеда.

С трудом заставляю себя встать, потому что знаю: если буду спать дальше, самочувствие будет только хуже. Тело все затекло. Немного разминаюсь, вращаю головой. Надо найти какое-нибудь заклинание от головной боли. Что-то она меня часто беспокоит в последнее время.

Остаток дня проходит очень лениво. Я готовлю, немного прибираюсь. В голове пустота, в которой тонут все мысли. Не хочу читать, не хочу

слушать музыку, не хочу ничего делать. Хочу заснуть и как можно дольше не просыпаться. Но даже сон теперь не приносит мне удовольствия. Я ведь могла бы заняться чем-нибудь полезным, когда у меня столько времени, и даже Вул, уехав к родителям, теперь мне не мешает.

Как следовало ожидать, к вечеру мне все ещё не хочется спать. Наоборот, к вечеру я оживаю. Какое-то смутное предчувствие, какое-то брожение ума не даёт мне покоя. Какие-то слова плавают в глубине моего сознания, я силюсь выловить, и ничего не выходит.

От бессилия выразить эти неуловимые мысли я сажусь с блокнотом и начинаю записывать все, что приходит в голову.

«Почти 2 часа ночи, все общежитие спит. Голос на аудиозаписи, медленный и чёткий бит разворачивают полотно моего настроения. Дым благовоний заполняет мой разум, наполняет мозг эндорфинами и ещё черт знает чем, заставляет верить в то, что иллюзия реальна. Меня мучает теперь только это: как выразить то, что я хочу выразить? Как облечь в слова ту бесконечность ощущений, заполняющую меня?»

Бесконечная иллюзия, преследующая меня ещё с детства. Иллюзия причастности к чему-то священному, больше, чем ты. Воин в армии света, повстанец, поднявший руку на Матрицу...

Чёрт возьми, я ведь маг. Я ведь могу править миром... Но я никакая не особенная. Я маг среди других таких же.

И почему мечты о том, чего нет, остаются такими сладкими?...»

* * *

Ещё один такой же день. Тупая боль, давящая виски, белое небо в окне, одеяло, в котором я запуталась, словно в мешке. После непродолжительной возни отбрасываю его от себя, подсакиваю с кровати и иду умываться. Немного размявшись и помаявшись бездельем, берусь за блокнот.

«Я опустошена. Как тихое насвистывание нежной мелодии, словно солдат насвистывает, идя по фронтовой дороге¹⁷, мои мысли трогательны, печальны и выжимают из меня слезу. Я опустошена и растеряна, буквально на пустом месте. Что такого могло случиться, чтобы ввести меня в это состояние?! Может, я делаю что-то не так? Может, мне стоит начать все заново? Но я даже не знаю, что именно стоит начать. Я с трудом заставляю себя

---

¹⁷ Гр. Guns'n'roses, «Civil war»: «What we've got here, is failure to communicate. Some man you just can't reach».

делать что-либо, не желая даже того, что обычно приносит удовольствие. Тело, тяжёлое, накопившее в себе истому, словно я только-только проснулась, готово заниматься только чем-то примитивным, наподобие сна, еды, приготовления пищи и просмотра интернет-страниц. Отвратительное оцепенение. Как опостылело все, что знаю, а то, чего не знаю, меня не привлекает. Словно я чудовищно стара, стара, как и этот мир, и все уже было, только мудрости не прибавилось».

* * *

— Ох, спасибо, что ты вытащила меня из общаги, — говорю я, отпивая кофе.

— Да я сама рада, — отвечает Кицу. — Давно мы с тобой никуда не ходили. Что-то ты бледная какая-то, чахнешь.

— Да, — говорю я, — учёба утомила.

— Да ладно, — говорит Кицу, — тебе вроде не так трудно учиться. Вон, сессию раньше времени закрыла и на «отлично».

— Да не в этом дело, — отвечаю я, — просто чувствую, что все это... как-то без толку.

— Разочаровалась в специальности? — спрашивает Кицу.

— Да... Наверное. Уже тошнит от воды. Сплошные пустые заявления. Слов много, и в

основном не по делу.

— А как ты решила поступать именно туда?

— Ну... Ещё в детстве я попала на завод к отцу, очень впечатлилась и решила сама заниматься техномагией.

— Серьёзно? — удивляется Кицу.

— Нет конечно, — усмехаюсь я, — я никогда не была на заводе у отца. Просто однажды нам в школе рассказали про эту специальность, что она новая, и специалистов очень мало. Я подумала, что это должно быть интересно, и потом будет просто найти работу. Ну и вообще, девушка-техномаг, звучит гордо!

— Ты думала, кем будешь потом работать?

— Возможно, что по специальности, — неуверенно отвечаю я, — но пока не знаю. Посмотрим.

Я растягиваюсь на диване, довольная, как сытая кошка. Тёплый сладкий кофе и спокойная лёгкая музыка в кафе расслабили меня, словно и не было этого тягостного безделья.

— А чем сейчас занимаешься, пока каникулы? — спрашивает Кицу.

— Да смешно сказать, — говорю я, — не знаю, чем себя занять. Трачу время впустую. Сплю, брожу по мыслесети, делаю домашние дела, ем, снова сплю. От нечего делать начала дневник вести.

— Может, тебе найти работу? — спрашивает

Кицу.

— Да ну. Не хочу работать, пока учусь. А каникулы меньше месяца. Смысл искать работу на такое короткое время.

— А что там с этим парнем, вашим администратором сети? Он же тебе нравился?

— Да, нравился. Но надо было раньше с ним романы крутить. Сейчас его перевели на другой узел, и я не знаю, на какой. А новый админ скучный. Я с ним не общаюсь.

— Ну ладно, — разочарованно протягивает Кицу, — если ему будет нужно, он сможет тебя найти. Значит, не так уж ему и надо.

— Спасибо, — говорю я официанту.

Наконец-то принесли моё пирожное. Я отламываю вилкой кусочек, покрытый густым шоколадным кремом.

— О, я знаю, чем нам следует заняться, — говорит Кицу, — как же я могла забыть, что по соседству с тобой находится такая классная штука!

— М? Какая? — спрашиваю я.

— Каменный Сад Ничто.

* * *

На следующий день мы с Кицу встретились возле учебного корпуса. Обойдя его, мы пошли сразу же на видовую площадку. Это, место, с

которого открывается чудесный вид на город, украшает подарок Университета Дзен города Ниигата. Каменный Сад Ничто. С первого взгляда каменный сад — это всего лишь несколько бесформенных груд камней, расположенных на мощёной площадке. Однако, по легенде, при длительном сосредоточении наблюдатель начинает видеть в них природную красоту и гармонию. Говорят, камни меняют свой облик в зависимости от времени года, освещения и состояния того, кто на них смотрит. При изучении данной конструкции следов магии в её постройке обнаружено не было. Кто знает, может, магия тут и ни при чём.

Мы вышли на открытую площадку. Впервые за несколько дней тучи разошлись, и небо открылось перед нами сияющей голубизной без единого облачка. Внизу, под скалой, просыпался город, окутанный серо-фиолетовой дымкой, которая уже начала расползаться под лучами утреннего солнца. Каменные кучи стояли на площадке, вроде бы совершенно хаотично. Это не была какая-то правильная форма, ни круг, ни квадрат. Две груды поближе к нам, а две — чуть поодаль. Меня не покидало ощущение того, что камни расположены не просто так, что есть какой-то замысел. Если бы я спросила об этом Кицу, она наверняка сказала, что замысел есть. У неё везде он есть.

Мы сели на скамейку напротив одной из каменных кучек. Деревце возле скамейки подрагивало на ветру, и мы поёжились. Ветер тут правда был жуткий. Я подвинулась поближе к Кицу и сгенерировала защитный шар из м-эфира.

— Ну, и что теперь делать? — спрашиваю я.

— Теперь смотри вперёд, на гору камней и концентрируй внимание на ней, — отвечает Кицу.

Я посмотрела на неё, она села, выпрямив спину, уперевшись ступнями в землю, поставив ноги параллельно друг другу.

— Нужно погрузиться в поле м-эфира? — спрашиваю я.

— Нет, смотри на гору. Я же сказала, — отвечает Кицу.

— А что будет, если погрузиться в поле м-эфира? — спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает Кицу.

Ну ладно. Смотрю на кучку камней. Ну. Красиво. Камни на фоне голубого неба, обрамленные силуэтами деревьев, высаженных на площадке. А что в этом такого? Вскоре я начинаю терять концентрацию. Мне неловко, и все же я зову Кицу:

— Пц, Кицу, у меня не получается. Внимание рассеивается.

Она медленно переводит глаза на меня и говорит:

— Ну конечно, посмотри, как ты сидишь. Вся скрючилась. Опустит плечи, спину выпрями.

— Может, в позу лотоса ещё сесть?

— Можно и в позу лотоса.

С этим я, конечно, погорячилась. В позу лотоса я сесть не смогу. Но я все равно залезла с ногами на скамейку, положив одну ногу на другую. Села ровно, опустила плечи.

— Голову не задирай, — сказала Кицу, немного опустив мой подбородок.

— А ты, случайно, ничего не приняла? — спросила я.

— Нет, — фыркнула Кицу, — ты, конечно, можешь принять какое-нибудь зелье. Некоторые так и делают, когда приходят сюда. Но это для слабаков. Нужно учиться концентрировать внимание без допинга.

Я замолкаю и снова смотрю на камни. Какое-то время ничего не происходит. Солнце, медленнодвигающееся по небосклону, начинает дотягиваться до нас своими лучами. Первые лучи попадают на камни. Я наблюдаю за тем, как на неровную поверхность ложатся тени, как серый цвет окрашивается золотым. Начинаю замечать борозды трещин на камнях, ямки на их поверхностях. Тень разбегается под натиском света, забивается, прячется в ложбинках, трещинах, в пространстве между камнями. Солнечные лучи

дотягиваются и до нас, и даже через сферу из м-эфира я ощущаю их ласковое прикосновение.

«Так вот что значит выражение «смотреть ковёр», — думаю я. Теперь я вижу, что камни живут какой-то своей неизведанной жизнью. Теперь я вижу каждую шероховатость, каждую малейшую область тени. Я вижу их форму, и воображение начинает рисовать образы-ассоциации такой же формы.

— Получилось? — посмотрев на меня, спрашивает Кицу.

— Да, — задумчиво отвечаю я.

Теперь мы с Кицу практикуемся так почти каждый день. Каждый раз одни и те же камни, освещённые разным светом солнца или луны и заколдованные силой воображения, были совсем разными. Это простое действие захватывает, завораживает меня, потому что я освобождаюсь от всего лишнего, от мусора, заполняющего мысли. Ассоциации начинают течь бурным потоком, и каждый день моя комната после прихода из Каменного Сада наполняется чудесными образами. Под потолком начинают летать светлячки, по полу растекается ручей, наполняя комнату ласковым шёпотом, из камней начинают расти побеги. С потолка свешивается огромное гнездо, и я качаюсь в нём, как на качелях. Жаль, что скоро приедет Вул, и с этим придётся заканчивать.

Я провожу дни в этих фантазиях, иногда записывая в блокнот образы, которые вижу.

* * *

Как бы сильно я ни была против, Вул все же вернулась в комнату в воскресенье. Значит, завтра уже начинается новый семестр. Приезд Вул напомнил мне о том, что нужно всё-таки сходить посмотреть расписание.

Я пробегая глазами по графам таблицы на доске расписания. Так, по-прежнему практическая алхимия, теоретические основы техномагии. Ещё два предмета у Кардануса. А вот это уже что-то интересное. Два новых преподавателя по новым предметам...

* * *

Сгорбленный, будто придавленный чем-то тяжёлым, перед нами за столом сидит мужчина. Он уже пожилой, на вид лет 60. Смотрит на нас исподлобья, выгнув шею, обводя взглядом из-под седых бровей. Что-то есть в его облике пугающее, отталкивающее. Глаза. Мутные, невыразительные, словно у мёртвой рыбы. Глаза окружают обвисшие складки, под ними по лицу опускаются морщины, уголки рта опущены вниз. Все черты лица как

будто стремятся к подбородку.

Человек положил на стол свои большие ладони, сложенные в замок, и говорит тихим хрипловатым голосом:

— Здравствуйте. Меня зовут Туман.

Это имя в сочетании с драматической паузой и его внушительным голосом прозвучало очень пафосно. Равена не выдержала и тихонько прыснула. Преподаватель строго посмотрел на неё. Потом снова обвёл взглядом всю нашу группу.

— Я врач, доктор знахарских наук. Имею многолетний опыт работы в сфере медицины.

Песец поднимает руку и спрашивает:

— А почему вы преподаёте в институте техномагии?

— Директор вашего института считает, что знания, которые я вам дам, вам необходимы, — отвечает Туман.

Я вздыхаю про себя и думаю: «Опять Василиск чего-то удумал».

Дальнейшее занятие напоминает театр абсурда. Не могу передать ход лекции, потому что я полностью потеряла нить. И этой лекции, и последующих.

Сначала Туман рассказывает про свою медицинскую практику. Про вред лекарств, которые обычно назначают врачи, про паразитов, ведь именно они, по его мнению, в большинстве

случаев вызывают болезни. И все это — с каким-то нездоровым упоением в голосе. Как будто ему доставляет удовольствие рассказывать про то, как люди болеют и страдают.

— Визуализаторы м-эфира крайне опасны. Они разрушают мозг, ведь они работают на тех же частотах, что и мозговые волны, — говорит Туман, и тут ниточка терпения в моей голове на секунду дрожит...

И лопается...

— Простите, — спрашиваю я, — а на каких именно частотах работают визуализаторы м-эфира?

— Сейчас не могу сказать, — отвечает Туман, — посмотрите сами.

Так. Это настолько одиозно и безумно, что надо записать.

— Мам, ну ты представляешь! — возмущённо говорю я в трубку. — Он сказал, что мозг человека и визуализаторы м-эфира работают на одних и тех же частотах! Я специально записала и перепроверила! Это бред!

— Да-да, — говорит мама.

— Нам говорят это в университете! Может, пожаловаться на него?

— Не стоит, — отвечает мама, — зачем тебе лишние проблемы?

— Мам, как ты можешь быть настолько спокойной?! Ты же сама работаешь в образовании.

Это же позор! Всё! Край!

— Ой, да ладно, — говорит мама через улыбку, — ты слишком серьёзно к этому относишься.

— Что??? То есть как? То, что нам говорят ненаучный бред в университете — это ерунда???

— Ой, Мари, перестань. Потерпи чуть-чуть, учиться всего ничего осталось.

* * *

День сурка. Мы заходим в аудиторию, а там за столом сидит немолодой сгорбленный человек. «О боже, ещё один Туман?» — с тоской думаю я.

Он тоже седой, с большой головой, прижатой к плечам. Только глаза у него совсем не такие, как у Тумана. Взгляд из-за толстых стёкол очков внимательный и зоркий. И руки у него другие, крепкие, натруженные. На гнома похож. Невысокий, крепкий, сбитый.

— Здравствуйте, — слышу я уверенный, чуть хриплый голос, — меня зовут Планинов¹⁸, и в этом семестре я веду у вас обработку и передачу сигналов.

Планинов говорит чётко, отдельными

---

¹⁸ Планинов (болг. планина) — гора.

фразами, как будто нарубает слова.

— Предмет у меня сложный, как показывает практика. У студентов возникают большие трудности. Поэтому пропускать лекции не советую. Сначала запишем рекомендуемую литературу.

«С этим не забалуешь, серьёзный человек, — думаю я, — ну хоть кто-то адекватный попался. Видно, что в своём предмете разбирается».

Вечером я лежу на кровати, глядя в чернильную темноту неба за окном. Комната погружена в уютную полутьму, освещённая лишь тёплым светом лампы на столе у Вул. Моя соседка красит ногти, сосредоточенно, мило морща носик. В такие моменты она даже симпатичная. Когда спит зубами к стенке.

— Я встретила парня, — мысленно говорю я в пустоту, и сигнал передаёт мои слова телепатической связью по м-эффиру.

— Да? Как его зовут? — спрашивает Кицу.

— Гончар, — отвечаю я.

— Тот самый? Я видела его пару раз, дома, ещё в старшей школе.

— Да, он, оказывается, тоже переехал сюда. Ты же помнишь, он из моей старой компании витчеров.

— Той, из которой был Дьюрин? — спрашивает Кицу.

— Да, мы все там познакомились.

— Он правда гончар? — спрашивает Кицу.

— Вроде бы да. Он на все руки мастер. Плетёт из ниток, рисует немного, на гитаре играет. Он говорил, что у него есть мастерская с гончарным кругом. Только я её пока не видела.

— Он тебе нравится?

— Да, по-моему, он стал симпатичнее. Или просто я получше пригляделась, — задумчиво протягиваю я.

— Я помню его года три назад. Он был довольно невзрачным, — говорит Кицу с усмешкой в голосе.

— Да, он такой... стеснительный, скромный. Мне он раньше совсем не нравился. К нему надо приглядеться.

— Чем он сейчас занимается? — поинтересовалась Кицу.

— Работает техномагом на военном корабле, — отвечаю я.

— А как вы встретились? — спрашивает Кицу.

— Я случайно встретила его на остановке. Мы оба были рады и решили продолжить знакомство, обменялись контактами.

* * *

Гончар склонился надо мной. Я провожу

ладонью по его чёрным вьющимся волосам. Он нежно улыбается мне, блаженно прищутив карие глаза. Я прижимаюсь головой к его животу. Глубокая ночь, в полутемной комнате колеблются тени в дрожащих огнях свечей. Из открытой форточки тянет прохладный влажный воздух. Его запах так знаком, он проникает в ноздри, опьяняет, рвёт сердце тоской по теплу. Так пахнет весна. Мы лежим на разложенном диване, прижимаясь друг к другу, расслабленные после любовной игры.

— А как ты узнал про витчеров? — спрашиваю я.

— О, это давно было, — отвечает он, — я проходил мимо заброшенной школы возле моего дома. Про нее всегда рассказывали, что там живут привидения. А тут вдруг по вечерам я стал замечать там свет. Мне стало интересно. Жутко конечно, но я все равно пошёл. Ну и там я встретил Дьюрина и компанию. Они частенько тусовались в той школе.

— Я слышала, но никогда сама там не бывала, — говорю я.

— Да, — ответил Гончар, — ты пришла уже после тусовок в школе. Мы провели там некоторое время, а потом школу решили снести и построить что-то вместо неё. А ты появилась уже позже.

— А там правда были привидения? — спрашиваю я.

— Да, как выяснилось, — отвечает он.

— Обалдеть! Я никогда не видела привидений...

— Там было в основном то, что называют полтергейстом. Ну там, двери, окна сами собой открывались или закрывались. По ночам шумело что-то.

— А самих призраков ты видел?

— Да, видел.

— Серьёзно?! А как они выглядят?

— Прямо как в книжках описывают. Как люди, только такие серые, прозрачные. И появляются обычно в одном и том же месте.

— Я тоже слышала, что призраки появляются в одном и том же месте, — добавляю я.

— Там были двое, мужчина и женщина.

— Они вместе появлялись?

— Нет, по отдельности. Она — в кабинете музыки, а он — в коридоре возле спортзала. Мы нашли комнату, наверное, это был архив. Там были фотографии. И на фотографиях мы нашли людей, похожих на этих призраков. Так мы узнали, что женщина — это учительница музыки, а мужик — учитель труда. Не знаю, почему-то его все время видели возле спортзала, а не в кабинете трудов. Вот так-то, — говорит он, кивая и улыбаясь уголками губ.

Я прислоняюсь спиной к гладкой груди Гончара, и его рука сильно и аккуратно прижала

меня, перехватив под грудью. Откинувшись на его плечо, задумчиво глядя в темноту комнаты, тоже начинаю рассказывать.

— В том здании, где я учусь, наверняка тоже есть призраки. Я ни одного не видела, но здание такое старое и в нём так много тёмных закоулков, что если поискать, наверняка найдёшь. Да и кроме призраков у нас много загадочных вещей. Вот, например, пару месяцев назад я разговаривала с пожилым преподавателем...

И я рассказала ему всю историю, про книгу о истории института, про резкую смену преподавателей на кафедре, про Кунелиуса и про колодец.

— Как все сложно! — восклицает Гончар, — и что же ты выяснила дальше?

— Да ничего, — отвечаю я.

— Ты так и не спустилась в подвал?

— Нет. Да я... подумала, что оно того не стоит. Подвал огромный, а я даже не знаю, что я ищу. Я решила поискать больше информации в мыслесети, а потом все как-то забылось. Леня стало.

— Ну так давай сходим в подвал вместе, — предложил Гончар.

— Э...ну... — замялась я.

— Давай сходим. В любом случае это будет интересно. И подругу твою возьмём. Ты же

говорила, что она неплохо колдует.

Глава 5. Лабиринт жизни

— Информация — совокупность сведений о событиях или объектах, — читает лекцию Планинов, — сообщения — совокупность символов, передающая информацию. Передача сообщения происходит с помощью материального носителя или физического процесса...

— А как быть с полем м-эфира? — спрашивает Песец, — оно ведь не относится к физическому миру...

— Знаете, я против всей этой ерунды. Магия, мистика... Всему есть физическое объяснение, — отвечает Планинов, — вы сказали «поле м-эфира», а поле — это физическое понятие. Значит, будем считать, что колебания в поле м-эфира — это физическое явление. И вообще, большинство учёных уже склоняются к тому, чтобы классифицировать м-эфир как аналог электромагнитного поля. Итак, продолжим. Передача сигнала происходит при помощи физического носителя или физического процесса. Передача информации происходит с передачей энергии, поскольку нужно сделать носитель или изменить свойства физического процесса, а на это требуется энергия. Кстати, на изменение процессов

в поле м-эфира точно также требуется энергия, как и в электромагнитном поле, так что передача сигнала в обоих случаях принципиально мало чем отличается. Различают такие виды сигналов: детерминированные, случайные, дискретные, квантованные...

Кажется, я начала понимать, что означает «у студентов возникают большие трудности». От двух лекций подряд у Планинова мозг буквально начинал вскипать. Все эти гармонические анализы, фильтры, модуляция... попытки представить это, не говоря уже о том, чтобы запомнить, доводили разум до изнеможения. А ещё по его предмету были лабораторные занятия...

И все же, Планинов оставлял у меня совсем другое впечатление, чем большинство преподавателей. Я правда чувствовала: он понимает, что требует. И лить воду он не любил. И ещё, рядом с ним у меня возникало чувство какой-то неловкости. Даже не знаю, почему. Рядом с ним я чувствовала себя незначительной. Вид Планинова говорил всем нам: «Делом надо заниматься», а его сутулость вызывала у меня ощущение того, что он несёт на своих трудовых плечах многочисленных бездельников.

Но все эти мысли о Планинове и его предмете вскоре совершенно перестали волновать меня после случая на паре у Тумана.

* * *

— Сегодня я проверю, как вы усвоили то, что мы с вами прошли, — сказал Туман, — я устрою вам контрольную работу. Берите билеты, садитесь и пишете.

«Какая контрольная?! — думаю я, — что там за вопросы будут? Про то, скольких паразитов Туман вытащил из пациентов за год?!»

Тут я замечаю, что Туман смотрит на меня в упор. От этого взгляда я растерялась, на миг опустив глаза. Туман снова посмотрел на меня и кивком указал на свой стол. Я поняла, что пришла моя очередь взять билет. Подошла к столу, наклонилась, выбирая среди одинаковых белых листов. И тут я случайно заглянула за ворот рубашки Тумана. Я заметила глубокую складку на коже, опускающуюся с шеи и исчезающую под воротом. Участок кожи на шее был очень дряхлым, дряблым, постаревшим намного сильнее, чем вся остальная кожа. Я невольно отдернулась от стола, схватила билет, который оказался под рукой, села на место.

Забыв про билет, я стала судорожно вспоминать. Что-то мне это напоминало. Что-то очень важное. И тут я поняла. Частичное старение организма бывает у некромантов!

Эта мысль поразила меня, как удар молнии. Боже мой! Если он и правда... Нет, может, это какая-то ошибка...

Однажды, только раз, я видела некроманта. Во время очередной прогулки по кладбищу мы с Кицу спугнули его с могилы. Похоже, он уже давно промышлял своими чёрными делами, потому что выглядел он жутко. Похож на упыря из фильмов. Очень бледный, почти без волос, тощий и дряхлый. Как только он увидел нас, тут же бросился наутёк, путаясь в полах своей чёрной мантии. Нам очень повезло, что он был уже старым. В зените своих магических сил некроманты очень опасны.

Некроманты перекачивают энергию из м-эфира для того, чтобы хотя бы ненадолго победить смерть. Главная проблема некроманта в том, что при совершении ритуала хотя бы небольшая часть его собственной жизненной энергии уходит из-за утечек. Сначала это происходит незаметно, но позже у них начинаются необратимые изменения организма. Например, какой-то орган, допустим, желудок или почка начинают очень быстро стареть. Очень часто у некромантов преждевременно стареет кожа, причём, не вся сразу, а отдельными участками. Точно так же, как я увидела у Тумана.

Я медленно и глубоко вздохнула. Нельзя подавать виду. Обложившись тетрадками и

бумагами, опустив голову в свой лист для ответов, исподлобья наблюдаю за Туманом.

На лице кожа вроде равномерно стареет. Никаких признаков не вижу. Руки... да тоже вроде в порядке. На лице и руках кожа выглядит одинаково. Черт, из-за одежды толком ничего не видно. Я уже начала думать, что это просто совпадение, как вдруг что-то заметила. Туман скрестил ноги под стулом, одна штанина у него приподнялась, и под ней открылся кусочек дряхлой кожи со старческими пятнами. Значит, всё-таки не ошиблась...

— Мам, ты представляешь! — возбуждённо говорю я, — это не просто мои личные антипатии! На этот раз все серьёзно! Один из наших преподавателей — некромант!

— Да ладно, это ты уже перегнула палку! — возмущённо говорит мама.

— Нет, правда! У меня есть доказательства. У него частичное старение кожи.

— Это что ещё такое? — спрашивает мама.

— Это значит, что одни участки кожи стареют быстрее других.

— Ну и что? — с сомнением в голосе говорит мама.

— Это происходит с людьми только после некромантских обрядов! — восклицаю я.

— Да ну, ерунда какая. Некромантия

наказуема. Такой человек просто не мог попасть в университет.

— Мам, ты не видела некромантов, а я видела!!!

— Когда это ты их видела?!

— Ну, один раз... В старшей школе...

— Кто-то из твоих друзей этим занимался?! — истеричным голосом спрашивает мама.

— Нет, просто видела. Ты что, мне не доверяешь? — сердито спрашиваю я.

— При чём здесь это?! Просто этого не может быть, чтобы у вас преподавал некромант!

— Ну вот, ты мне не доверяешь!..

После разговора с мамой я злюсь так сильно, что меня начинает подташнивать. Неужели ей так сложно поверить мне хоть раз?! Я прошлась по коридору общежития, нервно щелкая пальцами. Нет, так просто я этого не оставлю.

Через несколько минут я успокоилась и решила позвонить Гончару.

— Привет, — слышу я в голове его голос.

— Привет, — отвечаю я.

— Ты спросила у Кицу про подвал? — спрашивает Гончар.

— Да, можно прямо завтра вечером, если ты не против, — отвечаю я.

— Давай. У тебя что-то случилось? Голос

какой-то странный...

— Да, — отвечаю я, — я подозреваю, что один из наших преподавателей — некромант. Только что поговорила об этом с мамой, а она мне не верит.

— Ну, это серьёзное обвинение, — говорит Гончар.

— Это ж надо! — взрываюсь я, — что они себе позволяют в этом университете! Это ж не только позор, это угроза нашей безопасности!

— Ну... пожалуйся его университетскому начальству, — предлагает Гончар.

— Да не... им я тоже не доверяю. Как я поняла, его позвал на работу наш директор института, Василиск, а он немногим лучше этого преподавателя, разве что не некромант.

* * *

На следующий день я решаю приступить к решительным действиям.

— Итак, о чём вы хотите заявить? — спрашивает у меня следователь.

— Есть человек, которого я подозреваю в некромантии, — отвечаю я.

— Гхм, — удивлённо кашляет он, — а на основании чего обвинение?

— У него частичное старение кожи, —

отвечаю я.

— Ну, — усмехнулся следователь, — вы же понимаете, что это недостаточное основание для того, чтобы предъявить обвинение. Это может быть что угодно: болезнь, неудачное заклятие...

— Нет, я уверена, — настаиваю я.

— Некромантия — это серьезное преступление, поэтому я не могу оставить ваш сигнал без внимания, — говорит следователь. — Давайте запишем контакты вашего человека. Нужно будет проверить его талисман по базе. Мы установим за ним наблюдение. Но если в течение двух недель никаких других оснований для обвинения мы не найдём, я ничем больше не смогу вам помочь.

— Но две недели — это мало! — возмущаюсь я.

— Такой порядок. Ничем больше не могу помочь, — отвечает следователь.

* * *

Вечером, когда почти стемнело, мы с Кицу и Гончаром встретились у крыльца учебного корпуса. Ночью это нелепое здание с его башенками похоже на огромного ползущего монстра со множеством лап, сгибы которых виднеются на фоне неба, подсвеченного остатками дневного света. Посреди

двора возвышается журавль колодца, поскрипывая на ветру. Я кошусь на него взглядом, и чудится мне в этом скрипе тихий язвительный смех. Мы зашли за крыльцо, чтобы не попадаться лишний раз на глаза, и я рассказала Гончару и Кицу про Тумана и разговор со следователем.

— Так ты серьёзно думаешь, что этот ваш преподаватель — некромант? — спрашивает Кицу.

— Да, я ж тебе говорю! — отвечаю я.

— А как он выглядит? — спрашивает Кицу.

— Такой же мерзкий, как тот, которого мы с тобой видели, — отвечаю я, — только помоложе.

— Фууу, — говорит Кицу, и её лицо сморщивается в отвращении, — а есть какой-то способ вывести его на чистую воду? Подожди, у некромантов же особые талисманы... Почему, собственно, они и живут в подполье. Тогда странно, что ваш преподаватель не скрывается.

— Я сообщила об этом следователю, — говорю я, — так что его талисман точно проверят. Ой! А что если появление Тумана у нас на кафедре как-то связано с тем, что мы расследуем?

— Ой, — говорит Гончар, — ты тут целую теорию заговора сейчас построишь! Мы в подвал-то пойдем?

Мы с Кицу кивнули. Втроём мы пошли вдоль стены, пока не нашли ближайшее к колодцу окно подвала. Мы наклонились, чтобы пролезть в него,

но какая-то неведомая сила мягко, но настойчиво нас отодвинула.

— Там какая-то магическая защита, — говорю я.

— Сейчас посмотрю, — говорит Кицу, ныряя в теневую завесу.

Теневая завеса позволяет не только скрыться от глаз людей, но ещё и видеть постоянно действующие заклятия, наложенные на предметы или живых существ. Именно этим свойством и решила сейчас воспользоваться Кицу. Какое-то время мы с Гончаром ждали, а через полминуты или минуту лисичка снова появилась.

— Там магическая печать, — сказала она, — я запомнила, как она выглядит. Я раньше видела такие.

— Ты знаешь, как такие снимать? — спрашиваю я.

Кицу с досадой качает головой.

— Я могу сделать ключ, — предлагает Гончар, — вылеплю из глины печать такой же формы, заколдую её, и мы ею снимем заклинание. Только придётся прийти в другой раз.

— Ну, что поделать, — отвечаю я, — сейчас мы все равно не знаем, как попасть внутрь. Так что надо возвращаться.

Квартира Гончара мне всегда нравилась. Большая, уютная, наполненная старой мебелью и вязанными вещами, сделанными его бабушкой. Гончар и его семья поселились здесь недавно, а раньше они жили через две улицы от дома моих родителей. Когда я прихожу к нему в гости, мы обычно закрываемся в его комнате и смотрим фильмы. Никто из семьи Гончара к нам не заходит, и меня немного беспокоит, что он не познакомил меня с ними.

Я забираюсь с ногами на диван с бокалом вина и спрашиваю:

— Гончар, а где твоя мастерская? Ты мне её ни разу не показывал.

— Да ладно, все равно там ничего интересного, — отвечает он, — так, закуток в подвале.

— В каком подвале?

— Да в этом доме.

— По-моему, лепить что-то из глины вдвоём — это очень романтично, — мечтательно говорю я. — Ты меня научишь?

— Может быть, — уклончиво отвечает он.

— Когда ты сделаешь печать? — спрашиваю я.

— Собирался сегодня вечером.

— Можно посмотреть?

— Так ты же собиралась вечером вернуться в общагу? — сказал он, нахмурившись.

— Ну что ты такой скрытный... — капризно говорю я, — я ведь не хочу ничего плохого.

Гончар только раздражённо вздыхает и качает головой.

* * *

Когда я уехала, Гончар, видимо, всё-таки сделал печать, потому что уже на следующий день вечером мы снова собрались возле учебного корпуса.

— Принёс? — спрашивает Кицу.

Гончар без лишних слов достаёт из кармана округлый плоский предмет красно-коричневого цвета с каким-то объёмным знаком посередине.

— Отлично! — говорит Кицу, — сейчас я посмотрю, в каком месте закрывающая печать.

Она нырнула в теневую завесу и почти сразу же вынырнула.

— Вот тут, — сказала она, показывая на один из прутьев решётки.

Гончар приложил кусочек глины к этому месту, и закрывающая печать на миг становится видимой, а затем исчезает со слабым свечением. Одновременно с этим по высохшей глине расплзается трещина, и печать ломается на две

половинки.

— Получилось? — спрашиваю я, наклонившись над окном.

Я присела и попыталась просунуть ногу между прутьями окна. Получилось! Тогда я села на край окна, свесив ноги, протиснулась между прутьями и спрыгнула в подвал.

— Эй, у тебя там все нормально? — раздался сверху голос Кицу.

Я осмотрелась. Вокруг было темно и тихо, только под ногами хлюпали лужицы воды.

— Да, нормально, — отвечаю я, — спускайтесь.

Гончар и Кицу спустились тем же способом.

— Свет лучей рассеет тьму. Лети и не бросай одну, — говорю я, и над нашими головами появляется сфера, излучающая мягкий жёлтый свет.

Подвал выглядит вполне обычно, как я и ожидала. По сырым и пыльным бетонным помещениям тянутся линии кабелей и изгибы труб. Мы идём по этому лабиринту в тишине, изредка прерываемой писком испугавшейся света крысы. Мы внимательно осматриваем каждый тёмный угол, не находя при этом ничего, кроме мусора.

В тишине и темноте мы совсем отрезаны от мира в бетонной могиле, и воздух становится тяжёлым и вязким, а время замедляет свой ход. Мне показалось, что мы идём полчаса, хотя, наверное,

прошло всего минут десять.

— Ой, смотрите, там что-то есть, — говорю я, указывая на нишу в стене.

Мы подходим ближе, и шар, летящий за нами, освещает нишу.

— Да это же просто электрический щиток, — говорит Кицу.

Я при помощи телекинеза пытаюсь открыть дверцу. Она оказывается незапертой и легко поддаётся. На дне металлической коробки я вижу ключ. Обычный потемневший кусочек металла с овальным ушком. Силой мысли я перемещаю его, и он летит ко мне в руку. Да, обычный ключ без брелока.

— Ух ты, — говорит Кицу, — это то, что мы ищем?

— Без понятия, — говорю я, — я даже не знаю, что мы ищем.

— Интересно, от чего он? — спрашивает Кицу.

— Надо поискать по подвалу. Может, дверь где-то тут, — говорю я.

Уже около двух часов мы обыскивали подвал. Нашли 3 закрытые двери, но ключ не подошёл ни к одной из них. Мы обходим угол за углом, стену за стеной, коридор за коридором, и мне кажется, что мы уже вечность здесь и не выйдем больше никогда. Застарелая рана снова дала о себе знать, и

сердце заняло от тоски, которую я никогда не могла ни понять, ни объяснить. Она иногда приходит ко мне. И тогда я чувствую, что мир бесконечно сложен, и никогда мне в нём не разобраться, а все, что я делаю, бессмысленно. Бесконечно длинная лестница, по которой мы карабкаемся всю жизнь и никогда не доползём до верха. Это чувство непостижимости жизни заставило меня застонать в отчаянии, но беззвучно, про себя. А ведь и правда? Что мы делаем? Ползаем по подвалу, непонятно зачем. Нашли какой-то ключ, непонятно от чего.

Лестница, лестница... этот образ настойчиво крутится у меня в голове. Внезапно мы видим свет в дальнем конце помещения. Подходим ближе и видим решётку, а за ней — лестничный пролёт вверх и дверной проём, освещённый электрическим светом.

— Это выход из подвала, — говорю я, — я знаю, где мы. Тут рядом сидит охранник.

— Я вас прикрою, — говорит Кицу и, разведя руками, раздвигает прутья решётки, — пролезайте.

Мы пролезли через решётку, Кицу поставила прутья на место, и мы тихо поднялись по лестнице и заглянули за угол коридора. Охранник спал. Но все равно на всякий случай Кицу укутала нас теневой завесой, и мы нырнули в тёмный коридор.

— Ну что, домой? — спросила Кицу.

Мы все втроём растерянно пожали плечами.

— Нет, пока ещё нет. Я знаю, откуда этот ключ, — вдруг говорю я.

— Откуда? — спрашивает Кицу.

— От двери, которую нельзя открыть, — ответила я.

Мы все втроём засмеялись.

— Так её называют, — говорю, — может, её можно открыть, но я ни разу не видела, чтобы её открывали. Это одна из легенд этого здания. Есть дверь, за которую никто не может попасть, и неизвестно, что за ней. Вот и придумывают, что там находится, у кого на что фантазии хватит.

— Ну, давайте попробуем, — говорит Гончар.

Мы прошли в другое крыло здания, миновали коридор с учебными аудиториями моего факультета и свернули к пожарной лестнице. На пожарной лестнице, между первым и подвальным этажом мы нашли массивную металлическую дверь. Я только поднесла к ней ключ, как Кицу сказала:

— Да ты посмотри, в замке совсем тонкое отверстие, а ключ толстый.

Но стоило мне поднести ключ к замку, как он тут же трансформировался. Трубка ключа укоротилась и слилась с ушком, зубцы стали плоскими и вытянутыми. Ключ легко вошёл в замок. Я повернула его, и дверь открылась.

Мы медленно вошли в комнату. Мысленно

ругая себя за то, что не произнесла заклинание для освещения, я нащупала на стене возле двери выключатель и нажала на него.

На секунду мне показалось, что мы перенеслись в прошлое. Комната была уютной и опрятной. Видно, что её отремонтировали, только ремонт был очень давно. Это мы поняли по старой мебели и ковру советских времён. Я подумала, что мы попали в музыкальный класс, потому что там стояли пианино, синтезатор и ударная установка, а стены были обшиты каким-то мягким материалом, видимо, для звукоизоляции. По всей видимости, сюда никто не заходил уже очень давно, потому что все вокруг было покрыто толстым слоем пыли. В дальнем конце комнаты напротив двери мы увидели коридор. Там было темно, поэтому я снова произнесла заклинание для появления светящегося шара, и мы пошли внутрь.

Коридор быстро закончился низким проёмом. Мы увидели, что дальше начинается какой-то туннель с узкими стенами и низким потолком, высотой где-то в полтора метра, и полом из утоптанной земли.

— Бугага, — сказала Кицу, — кто-нибудь страдает клаустрофобией?

Никто не ответил. Мы все молча полезли в туннель.

Опять же не помню, сколько времени мы шли.

Продвигаться там можно было, только пригнув голову, либо согнув ноги, и только друг за другом. Светящийся шар летел впереди нас, освещая дорогу, но мы не видели ничего, кроме голых гладких стен и черноты. Гончар идёт впереди, за ним Кицу, а я замыкаю.

Спустя какое-то время этой монотонной ходьбы Гончар вдруг резко останавливается и пятится назад, натыкаясь на Кицу.

— Что там? — спрашиваю я, — заглядывая за их спины.

— Кто... Кто это сделал? — растеряно спрашивает Гончар.

— Да что там, что там? — начинаю нервничать я.

Я приседаю, стараясь разглядеть, что впереди, за их ногами, и тут понимаю, что за их ногами ничего нет. Там не земля, там пустота.

Мы набрали на яму. Земля вдоль стенок скрыта под прямым углом. Яма почти правильной прямоугольной формы, в длину и глубину около двух метров.

— Как могила, — прошептала Кицу.

Земля свежая, как будто яму вырыли совсем недавно.

Я медленно опустилась на землю. Спина ноет от сторбленного положения. Сейчас, когда мы остановились, я поняла, насколько узкий этот лаз.

От мысли, что мы со всех сторон сдавлены землёй, я начинаю задыхаться. На секунду мне показалось, что стенки тоннеля начинают сдавливать нас. Бррр! Я замотала головой, отгоняя этот жуткий образ. Потом я вспомнила, что здесь есть кто-то, кроме нас, тот, кто вырыл эту яму, и меня снова начала охватывать паника.

Гончар осторожно встал на краешек ямы, подтолкнул рукой шар и стал осматривать яму и пространство за ней.

— Видишь что-нибудь? — спросила я.

— Нет, — говорит Гончар, — просто земля, даже следов не видно.

— Нет следов... И в комнате, из которой мы сюда попали, лежит толстый слой пыли. Там тоже должны были остаться следы, если бы кто-то недавно проходил, — задумчиво говорит Кицу.

— Если не осталось следов, значит, тот, кто вырыл яму, пришёл с того конца туннеля. Либо это кто-то бесплотный, — предполагаю я.

Я поймала тревожные взгляды Кицу и Гончара и сказала:

— Пойдёмте-ка отсюда.

Кицу посмотрела на меня круглыми глазами и закивала.

Потихоньку, не без труда мы развернулись в обратном направлении. Мы начали изнурительный путь назад, сгорбившись, мелкими шагами. Я

ловлю каждый шорох, каждый малейший звук, чтобы понять, что происходит за нашими спинами. Мы не видим, что скрывается за нами в чёрной глубине тоннеля, как не можем и быстро двигаться. Так что в случае опасности надейся только на собственный ум и силу магии!

Наконец, впереди замаячил свет из музыкальной комнаты. Мы вышли из туннеля, все уже позади, но я все равно продолжаю с тревогой коситься в чёрный проём. Только когда мы вышли обратно на лестницу и захлопнули за собой дверь, на душе стало спокойнее.

— Ух... блин, ну мы и попали, — говорю я.

— Да уж... — задыхаясь, прошептала Кицу.

На несколько секунд мы замолчали, стараясь понять, что же случилось. Наконец, Кицу спросила:

— Мар, а тебе не кажется... э... что ты не там ищешь? Вот ты что пытаешься выяснить?

— Я вообще хочу узнать, почему у нас на кафедре так быстро сменились сотрудники, — отвечаю я.

— Ну вот. Подвал — не самое подходящее место, чтобы это выяснить, не находишь? Может, спросить у кого-нибудь или поискать в архиве? — спрашивает Кицу.

— Может быть, — сконфуженно отвечаю я.

— Ладно, пошли по домам, — сказал Гончар.

* * *

На следующий день мы одноклассниками ждали Фолко в коридоре перед занятием по практической алхимии. И вдруг ни с того ни с сего, Ван спросил:

— А вы слышали, что наш чокнутый дед пропал?

— Кто? — спросил Полоз.

— Ну этот, седой, с сумасшедшими глазами, — ответил Ван, — Кунелиус, который у нас техником работает.

— Так это, может, он найдётся через пару дней, — говорит Песец, — выйдет из запоя и вернётся.

— Не, — говорит Ван, — уже давно нет. Его жена обратилась в розыск. Я видел полицейских, они тут всё про него спрашивали.

* * *

Молчаливое, тревожное напряжение поселилось в коридорах университета. Преподаватели никак не комментировали исчезновение Кунелиуса, словно его и не было вовсе. И именно это молчание и заставляло всех помнить про дедушку, который раньше незаметно, сам с собой сходил с ума. Студенты

перешёптывались, обмениваясь догадками, что же произошло.

Однажды ночью в конце марта я проснулась среди ночи от жуткого крика. Сонная и растрёпанная, я спешно оделась и вылетела в коридор. Двое человек вышли из соседней комнаты и побежали по коридору в сторону учебного корпуса. Крик был слышен именно оттуда, поэтому я побежала за ними.

В переходе между жилым и учебным корпусом я увидела на полу девушку в полуобморочном состоянии. Она лежала на коленях у охранника, а он пытался привести её в чувство. Вокруг них уже начали собираться обеспокоенные разбуженные студенты.

— А ну, разойдитесь! — крикнул охранник, — из-за вас тут не продохнуть.

Девушка глубоко вздохнула и приподнялась. Все с любопытством вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

— Что случилось? — спросил у неё охранник, — почему ты кричала?

— Я видела его, — ответила девушка.

— Кого?

— Кунелиуса! Он был мёртв! Я шла к себе в комнату через переход, и тут он выбежал из того коридора, — сказала она, показывая на коридор за своей спиной, — страшный такой! Бледный, как

мертвец! И глаза косые в лунном свете сверкают!

Луна из прозрачных стен освещала переход болезненным сине-голубым светом. В нём картина, которую описала девушка, должна была быть действительно жуткой. Оказалось, что девица пробиралась ночью в общежитие. Она незаметно прошла через спящего охранника и уже собиралась пройти в жилое крыло, как вдруг наткнулась на Кунелиуса, или же кого-то другого, очень похожего на него. Незаметно не получилось.

* * *

Конечно, наутро весь университет гудел о произошедшем. Провели обыск, но Кунелиуса не нашли. Кто-то пошёптывал, что он прячется в тайниках здания, кто-то говорил, что это была жестокая шутка. Мол, это был не Кунелиус, а кто-то из студентов, принявший его облик. Кто-то говорил, что никого вообще не было, а у студентки начались галлюцинации от перебора гипнококтейлей той ночью.

Я позвонила следователю, но он сказал, что ничего подозрительного за Туманом по ходу наблюдения не обнаружили. Оставалось всего пару дней слежки, и надежды на то, что его поймают, становилось всё меньше. Одни вопросы и никаких ответов.

* * *

Через пару недель про Кунелиуса понемногу стали забывать. Но моя тревога только усиливалась. Перед моими глазами все время стояла наглая и злая усмешка Тумана. Маясь от бессилия и неизвестности, я все же решила поискать информацию в мыслесети, хотя и не очень верила, что это поможет.

Холодно поздоровавшись с администратором и получив такой же холодный вежливый ответ, я подключилась к узлу Магуг. Набираю в строке поиска «Блез Клермонов». В прошлый раз я проверила не все ссылки, поэтому посмотрим ещё раз.

Так... исследовательская арктическая станция... Написано, что в настоящий момент Блез и его команда работают там. Нет, мне это не сильно поможет.

Может, посмотреть в архивах университета? Как узнать, почему они все разом ушли с кафедры?

Или в отделе кадров...

О, точно! Нужно спросить у очевидцев. Если Кунелиус пропал, можно еще попробовать связаться с кем-то из исследовательской станции, куда поехали бывшие сотрудники кафедры!

Нахожу сайт станции и ищу раздел

«Контакты». Есть! Нашла адрес электронной почты. Копирую его и открываю страницу электронного ящика.

«Здравствуйте, уважаемый Блез!

Меня зовут Мар. Я большая поклонница ваших исследований. «Вода как носитель природной и человеческой магии» — одна из моих самых любимых книг. Я сейчас учусь в Университете Практической Магии, на факультете телекинетического управления. У нас здесь происходят странные вещи. Например, пропал Кунелиус Мартус. Я знаю, что вы работали вместе, и его исчезновение наверняка не оставит вас равнодушным. У меня есть вопросы о некоторых событиях прошлого, возможно, ответы на них помогут понять то, что случилось в настоящем. Прошу вас найти время и ответить мне.

Мар»

Вздохнула, вытерла о штаны влажную ладонь. Облизала губы. Отправила письмо.

* * *

Ответ пришёл через несколько дней.

«Здравствуйте, Мар!

Я сказала Блезу про ваше письмо. Он сейчас очень занят и не может ответить. Он сожалеет из-за

исчезновения господина Мартуса.

По поводу вопросов, я готова на них ответить. По счастливой случайности, скоро я отправляюсь на другую исследовательскую станцию, расположенную недалеко от вашего города. Я остановлюсь в городе, в гостинице. У меня найдётся время, чтобы с вами встретиться. Дата прибытия — 10 апреля. Я напишу вам, когда прибуду.

Мара Полякович»

Глава 6. Тот, кто живет в подвале

Ночь перед встречей с Марой выдалась беспокойная. Я долго не могла заснуть, ворочаясь с боку на бок и слушая завывание ветра в щелях. Наконец, когда тошнотворная усталость совсем вымотала меня, я смогла погрузиться в сон.

Мне снилось, будто я иду по лестнице в своем учебном корпусе. Спускаюсь вниз, пролёт за пролётом, и вдруг замечаю, что иду по очередному как-то подозрительно долго. Оглядываюсь назад и открываю рот от удивления: за мной тянется длинная вереница ступеней, увенчанная дверным проёмом где-то далеко вверху. Я не проходила мимо этого! Снова поворачиваюсь вниз, и вижу, что множество ступеней уходит в темноту. Лестница стала такой длинной, что дошла до подвала. Не чувствуя ног, я спускаюсь дальше. Вскоре надо

мною нависает густой чад ржавого цвета. Трубы в подвале исходят струйками пара, и от него воздух становится влажным и горячим, наполняется мелкими частицами окислов железа. В этом тумане я вижу тусклый свет и иду к нему.

Впереди показалась какая-то тень, приглядываюсь и вижу крупный тёмный силуэт, освещённый лучами, как ореолом. Подхожу ближе, и в оттенённых буграх и впадинах начинают угадываться мышцы спины, по всей видимости, очень крепкого и высокого мужчины. Незнакомец резко поворачивается, в обороте наклонившись ко мне, и...

...мускулистый краснокожий сатана уголком рта обнажает белые зубы, показывая свою обольстительную ухмылку. Его жёлтый глаз буравит меня, оказавшись прямо перед моим лицом. Вскрикиваю от неожиданности.

Он отходит, стуча копытами, и показывает то, что скрывается за его спиной. Затаив дыхание, прохожу вперёд. Тёмная ниша освещена мягким светом, а в ней, на верёвках болтается множество металлических клеток, размером с птичьи. А в клетках, что в них?... Я вижу каких-то маленьких существ, трепыхающихся внутри, словно пташки. Из-за их свечения и быстрых движений контуры размытые, нечёткие... Я приглядываюсь и вижу, что на клетках есть надписи.

«Василиск»

«Астра»

«Фолко»

«Карданус»

Сатана смотрит мне в глаза, снова ухмыляется и проводит рукой в сторону. Там, в темноте ниши, я вижу другие клетки, пустые...

* * *

С Марой мы встретились в холле её гостиницы. Мы выбрали укромное место у окна: маленький диванчик с кофейным столиком. Через большое, почти на всю стену, окно мы смотрим на прохожих, спешащих по одной из центральных улиц города. Мара оказалась приятной женщиной с густыми волосами пшеничного цвета. В копне её волос я заметила несколько седых прядей. Я бы подумала, что она специально их так покрасила, если бы не заметила морщины на лице. Одета она была с безупречным вкусом, в обтягивающее светлое платье, к которому очень подходил платок на шее.

Мы садимся на диван, влоботорота друг к другу. Мара доверительно чуть наклоняется ко мне. Она смотрит на меня дружелюбно и с интересом. И еще, в её глазах я замечаю некоторую тревогу.

— Ну, рассказывай, что у вас там

происходит, — говорит Мара.

Я волнительно и сбивчиво рассказываю про то, как нашла книгу по истории института, как мы обследовали подвал, как пропал Кунелиус и даже про свои подозрения насчёт Тумана. С каждой новой историей лицо Мары мрачнеет. Она слушает меня молча, и, когда я заканчиваю, наконец говорит:

— Грустно слышать о том, что происходит в этом месте, где я когда-то работала...

— Теперь вы расскажите! — взволнованно говорю я, — почему так произошло? Почему так резко сменился состав кафедры?

— А сама ты как думаешь? — спросила Мара, — это ведь были времена кризиса. Ситуация была непонятная. Тогда было два пути. Один — ещё интенсивнее развивать магические технологии, и тогда была надежда на то, что количество перерастёт в качество. Было предположение, что общественное устройство по мере развития магических технологий само изменится так, что проблемы, вызванные применением магии, перестанут существовать. Либо нужно было, наоборот, препятствовать применению магии, чтобы сохранить существующие устои. Общество пошло по второму пути. По отношению к образованию у властей была очень странная политика. Магические специальности не закрывали,

но и работать на них толком не давали. Зарплату урезали, замучили нас проверками. Само по себе это мешало, так ещё и многие наши преподаватели, да и я в том числе, были оппозиционно настроены. На кафедре было мнение, что магические технологии, наоборот, надо активно развивать, и именно это выведет нас из кризиса. В общем, мы бы там надолго не задержались. Вскоре Блезу предложили участие в зарубежном исследовательском проекте, и он уехал, взяв нескольких преподавателей с кафедры. Остальные... тоже быстро разъехались, кто куда. Кто-то тоже решил заниматься только наукой, кто-то вообще сменил сферу деятельности. Так со многими преподавателями произошло. Мы не могли видеть, как все рушится.

— Но ведь на ваше место быстро пришли другие... — говорю я.

Мара смотрит на меня, прищурившись и загадочно улыбаясь.

И тут я вдруг вспоминаю свой сон.

— Это может прозвучать странно и будет неуместно сейчас, — начала я, — но все же сегодня ночью я видела сон.

— Ага, — кивнула Мара, — ты же колдунья, ты не должна пренебрегать своими снами.

— Так вот, я видела, что спускаюсь по лестнице, а она становится очень длинной, и я

опускаюсь в подвал университета. А подвал похож на ад, там сатана показывает мне клетки, а в них вроде как души. И на клетках подписи с именами моих преподавателей. И рядом много пустых клеток висит...

Мара продолжает загадочно улыбаться и говорит:

— Похоже, ты подобралась к древней тайне университета...

— Что, в подвале правда живёт сатана? — спрашиваю я, — ну нет уж, я проверяла.

— Нет, нет, — смеётся Мара и сразу же становится серьёзной, — дело в том, что на университет наложено заклятие. На здание института техномагии точно наложено, скорее всего, и на другие здания университета тоже. Заклятие создали очень давно, ещё при постройке, при заложении фундамента. Оно действует так, что маги-недоучки не могут выйти из университета.

— То есть как, не могут? — не поняла я.

— Ну вот так, не могут. Не в прямом, конечно, смысле, — отвечает Мара, — но все их попытки устроить свою жизнь за пределами университета оканчиваются провалом. Человек либо продолжает учиться много лет, либо остаётся работать в университете. Ходят слухи, что кто-то даже погиб из-за этого заклятия. Человек очень хотел расстаться с университетом и при этом не

состоялся как маг. Противоречия между желаемым и действительным становились настолько сильными, что заклятие приводило к смерти.

— Но это же жестоко! — восклицаю я.

— Как сказать, — протянула Мара, — это было сделано в целях безопасности. Чтобы несостоявшиеся маги никому не навредили. В том числе, и себе. Раньше это не было проблемой. Все знали об этом, и поэтому старались ради качества учебного процесса.

— А сейчас прежние сотрудники ушли, а новые просто об этом не знают, — тихо говорю я.

— Именно, — говорит Мара.

— Но это неправда! Неправда, что в университете преподают одни бездари! — вдруг восклицаю я.

— Конечно, неправда, — соглашается она, — у полноценных магов есть выбор. Они могут уйти, а могут и остаться. А недоучки уйти не могут. Ты же знаешь, **что** есть сатана, которого ты видела?

Я вопросительно смотрю на неё.

— Высокомерие, ограниченность, упрямство, — отвечает она.

Мара встаёт, показывая на то, что разговор закончен. Я рывком поднимаюсь, стараясь остановить её.

— Подождите, у меня ещё есть вопросы, — говорю я, — что насчёт Тумана?

— Я не знаю этого человека, — ответила Мара, — ничего не могу сказать. Но если он правда некромант, падение нравов действительно катастрофическое.

— А комната, ключ от которой мы нашли в подвале? — продолжаю спрашивать я.

— А, это комната для тайных собраний. Мы её раньше использовали как убежище от проверок. Там внутри много занятных вещей, которые были запрещены во времена кризиса. Сходи туда ещё раз, посмотри. Ты, кстати, ключ сохранила?

— Да, — отвечаю я.

— Ну и молодец, — говорит Мара, — он тебе наверняка ещё пригодится. Кроме той комнаты, он открывает ещё одну дверь в университете. Туда без лишней надобности не ходят, но кто знает, может, будет надо.

— А этот лаз из комнаты, для чего он? — спрашиваю я.

— Честно, не знаю, — отвечает Мара, — я его не видела, когда там была. Может, он вообще сам появился. Здание ведь пронизано магией, причём, всякой разной, там столько наслоений... Чёрт знает, что творит эта магия в тёмных уголках... Ну что, у тебя все вопросы?

— Да, — растеряно протягиваю я, — спасибо большое.

И вдруг, сама от себя не ожидая, я обнимаю

её.

— Ох, ох, — смущённо говорит Мара, — держись. Учись хорошо.

Подмигнув мне, волшебница незаметно исчезает. Я успеваю лишь увидеть её спину возле лифта. Эй, это какое-то заклинание? Как она ушла так быстро?

* * *

Когда я открывала дверь в комнату общежития, в коридоре за углом слышался звук коготков, стучащих о пол, и слабый писк. Я снова защёлкнула замок, положила ключ в карман и осторожно заглянула за угол. Господи, что это за мерзость?! За углом я увидела маленькое существо грязно-зелёного цвета. Оно было похоже на толстую ящерицу, с шипами вдоль хвоста. Я не знала, как называется этот зверь, но вспомнила, что обычно они сопровождают некромантов как фамилиары¹⁹.

Похоже на то, что существо поскользнулось на каменном полу, и теперь неуклюже извивалось на спине, шкрябая когтями и стараясь перевернуться. Заметив меня, оно громко пискнуло,

---

¹⁹ Фамилиар — домашнее животное ведьмы или колдуна.

перекатилось на бок и пустилось наутёк на двух лапах. Я попыталась остановить его заклятиями-молниями, но ящерица быстро скрылась.

Эта тварь следила за мной, пока я ездила в гостиницу? Холодок пробежал по спине, я поёжилась и пошла в свою комнату. Надо быть осторожнее.

Вечер я провела, разыскивая в мыслесети информацию про методы слежки. Всю комнату обшарила в поисках магических и не магических устройств подглядывания и подслушивания. Вул зашла в комнату, посмотрела на все это, посмеялась и сказала: «Ты обкурилась что ли?»

— Не мешай, Вул, — отвечаю я, обследуя щели между камнями стенной кладки, — возможно, за нами следят.

— И кто же? — язвительно спросила она.

— Поклонники твои. Разглядывают тебя, пока ты в нижнем белье по комнате ходишь.

— Ой, очень смешно, — ответила Вул, поморщившись.

Однако, переоделась в домашнюю одежду она, спрятавшись за дверцей шкафа. Видимо, на всякий случай.

* * *

Утро. Только проснувшись, вспоминаю эту мерзость болотного цвета, эту ящерицу-переростка... Бррр! Мороз пробегает по коже, хочется завернуться в одеяло поплотнее и снова заснуть. Но нет, совесть напоминает, что надо идти на пары, и минут пять я лежу, глядя в потолок и раздражённо вздыхая.

— Чего вздыхаешь? — сердито спрашивает меня Вул, — меня уже даже разбудила.

Она смотрит на часы и добавляет:

— А, ну ладно, и так уже время вставать.

Встаёт, почёсывая голову и приглаживая непослушные волосы. Через несколько секунд бросает взгляд на меня и говорит:

— А ты чего лежишь? Тебе, насколько я помню, тоже уже на пары надо собираться.

Я хочу отмахнуться от неё, но, сама не ожидая от себя, вдруг говорю:

— У меня такое ощущение, что за мной следят.

— А, ты опять, — отвечает Вул, — всё никак не отпустит тебя со вчерашнего. Ну ладно, следят. Ну и что тебе сделают-то? Ты же рассказывала, что владеешь боевой магией. Сама же мне раньше угрожала. Если не соврала, конечно...

А и правда, что мне сделают? Волевым усилием приподнимаюсь и переваливаюсь в сидячее положение.

— Давай-давай, подъем, учёба ждёт. А то что я одна на пары пойду, как дура, — говорит Вул, капризно поджав губки.

Боевая магия — боевой магией, но осторожность не помешает. Обострённым до предела вниманием я буквально обшариваю взглядом каждый уголок помещения, в которое захожу, ловлю каждый малейший звук. В холодном поту поднимаю голову на потолок, ожидая увидеть там ещё одну ползучую гадость. Всматриваюсь в тёмные щёлки между камнями стенной кладки, заглядываю за углы.

В коридоре прислушиваюсь к голосам, и через какое-то время в общем гуле выделяются фразы: «...она ничего не знает» и «в следующий раз будь осторожнее». Воображение начинает дорисовывать собеседников и весь остальной разговор, и я рыскаю глазами в поисках того, кому принадлежали эти слова...

— Эй, Мар, что с тобой? — удивленно восклицает Медведь, наткнувшись на меня в коридоре.

Растерянно мотаю головой. Тут же представляю, как выгляжу со стороны, и от смущения готова провалиться сквозь землю. Мычу что-то нечленораздельное и спешно исчезаю. Со мной точно происходит что-то ненормальное.

Через пару часов такой напряжённой

концентрации внимания у меня начинает раскалываться голова. Всё равно вся учёба сегодня прошла мимо меня, так что с последней пары я решаю уйти.

Вечером мы с Вул обе были дома. Завернувшись в плед, я сижу на кровати и читаю. Вул улыбается себе под нос и оживлённо крутит в руках визуализатор м-эфира. Обычно она так себя ведёт, когда флиртует по мыслесети. И тут нашу идиллию нарушает стук в дверь. Мы удивлённо переглядываемся, и она спрашивает: «Ты ждёшь кого-нибудь?». Я говорю: «Нет, а ты?». Она пожимает плечами, отвечает: «Нет» и идёт открывать дверь.

Дальше все происходит так быстро, что я даже не успеваю понять. Я слышу звук открывающейся двери, сдавленный крик Вул и тут же на пол из входного коридора выпадает что-то твёрдое и тяжёлое, похожее на статую. С ужасом я понимаю, что это каменная глыба, напоминающая мою соседку...

Василиск!

Тут же подскакиваю с кровати, одним рывком оказываюсь у шкафа и прячусь за его дверцей. На миг становится тихо, и я слышу только толчки крови в ушах. Потом слышу звук закрывающейся двери и шлепки по каменному полу. Что-то большое медленно проходит в комнату.

Всё моё тело сжимается от резкого отвратительного звука, одновременно похожего на сдавленный крик и куриное кудахтанье. Затем раздаются быстрые шлепки по направлению из комнаты.

Выглядываю за дверцу.

Никого.

Пулей бегу к входной двери, захлопываю, и меня словно размазывает по ней. Медленно стекаю вниз, оставшись на корточках. Зачем-то пытаюсь встать, перед глазами всё идёт кругом, я чуть не падаю. Стараясь не смотреть на пол, держась за стену и шкаф, переползаю на кровать.

Пятна перед глазами начинают проясняться, и я вижу длинный точёный кусок камня. Безжалостно гладкая поверхность ноги. Отшатываюсь, как будто на полу лежит чумной труп.

Медленно, собираясь с силами, подхожу к каменной статуе. Зажмуриваюсь, задерживаю дыхание, заглядываю в лицо.

Застывшие глаза, открытый рот.

Черты лица.

Да, это она.

Шестерёнки в голове понемногу снова начинают вращаться. Начинаю восстанавливать ход событий. Похоже на то, что я поняла все правильно. Это правда был василиск, магическое существо с телом петуха и хвостом змеи. Его взгляд

превращает все живое в камень.

С ума сойти, как быстро я поняла, что это он! Ни на секунду не задумалась. Только это и спасло меня. Я спряталась за дверью шкафа, потому что на ней висело зеркало. Василиск вовремя заметил его, ещё до того, как увидел своё отражение, и оно заставило его в панике бежать. Но зачем он пришёл? И как попал в общежитие?

Он не остановился, когда увидел, что Вул окаменела. Он стал обыскивать комнату. Значит, ему нужна была я.

Я присела на корточки у каменной головы Вул. Собравшись с духом, ещё раз посмотрела ей в лицо и сказала: «Ну что же, похоже, за мной уже выехали».

* * *

Шумиха была страшная. После гибели моей соседки все как будто забыли о том, что мы находимся в университете. Сплошные допросы, проверки охраны в корпусах, постоянные телерепортажи. Окаменевшее лицо Вул я теперь не смогла бы забыть, даже если бы захотела — так часто оно появлялось в новостях.

В разговорах со следователем я придерживалась мнения о том, что это был василиск. Однако, следствие не приняло этой

версии, поскольку его никто не видел, в том числе и я. Конечно, Вул могла бы пролить свет на эту загадку, но она уже нам точно ничего не сможет сказать. Таков парадокс встречи с василиском. В конце концов, нашли какого-то преподавателя, который вёл занятия у моей соседки. Он дал показания о том, что группа Вул недавно изучала одно заклятие, и побочным эффектом при неправильном применении как раз-таки могло быть окаменение. Собственно, так все и объяснилось: нерадивая студентка ошиблась с заклятием, и оно превратило её в камень.

* * *

Сразу же после того как комнату обследовала полиция и окаменевшее тело унесли, я поговорила с Кицу и Гончаром, немного успокоилась и легла спать.

Я долго лежала в темноте и смотрела на тени деревьев в лучах света фонарей из окна. Без Вул наша каменная коробка стала совсем мрачной и неудобной. Теперь она больше напоминала тюрьму, чем девчачью комнату. Мне не хватало Вул. Я вспоминала, как плохо я думала о ней, и сжималась от сожаления и стыда. Хоть и случайно, но она спасла мне жизнь! Господи, какая же она глупая была, наивная! Как она открыла дверь, даже не

спросив?!

Вещи Вул все ещё лежали вокруг, они были такими привычными и обыкновенными, и я никак не могла совместить их с тем ужасом, который сегодня произошел в этой комнате. Мой взгляд скользил по стене и окну, избегая присматриваться к деталям. Я подумала, что, наверное, стоило сложить ее одежду, учебники и визуализатор в шкаф или какой-то пакет, но страх и усталость намертво приковали меня к постели.

Так я и лежала, завернувшись в одеяло, поджав ноги под себя, боясь даже пошевелиться. Мысли о василиске стали не просто образом, появившимся откуда-то извне. Самым пугающим и отвратительным было понять страх внутри себя. Он начал пускать корни в моём теле. Словно маленький чёрный комочек шевельнулся в животе и начал сосать внутренности. Я лежу без сна, наблюдая за этим чувством, позволяя ему забирать силы из моего напряжённого тела.

Не знаю, сколько это длилось, но в какой-то момент я заснула.

Проснулась я резко, без какой-то видимой причины. Это было неприятное и быстрое пробуждение, как будто меня окатили ведром холодной воды. Я почувствовала мороз, пробирающий до костей. И ещё чувство очень сильной тревоги. Я осмотрелась. В темноте

комнаты я узнаю знакомые силуэты, и меня это успокаивает. И вдруг я вижу какое-то тёмное пятно, ползущее по полу. Шевеление на стене заставляет меня быстро повернуться, и я понимаю, что со стен и пола на меня ползёт нечто, похожее на тени от ладоней.

Спина покрылась холодным потом, живот резко свело, и сосущее чувство вернулось с такой силой, что меня едва не вывернуло.

О нет, снова?! Когда же это закончится...

Чёрные пальцы на стене, словно лапки паука, ещё быстрее побежали в мою сторону.

Я вскрикнула. По спине снова пробежала волна холода, и я, собравшись с духом, нырнула в неё. Тело охватывает дрожь, и я кричу первое вспомнившееся заклинание.

Nihil!

Metum!

Nihil!

Mortem!

От моего тела вспыхнул свет и начал разливаться вокруг, как будто комната заполнилась водой, а лучи стали кругами на ней, волнообразно расходясь и отбрасывая чёрные ладони от меня.

Вскоре все было кончено. Свет от заклинания погас, и я резко дёрнулась к настольной лампе. Это было заклятие Чёрной руки, и оно могло меня убить. Значит, я всё-таки не ошиблась. Кто-то

охотится на **меня** .

— Гончар, — шепчу я, услышав сигнал приёма телепатического звонка.

— Мар, что такое? — слышу сонный голос, — ты плачешь?!

— Меня снова пытались убить.

— Так, — по голосу было слышно, что Гончар сразу же проснулся, — собирай вещи, я приеду за тобой.

Глава 7. Должен быть какой-то выход

Семья Гончара встретила меня очень благосклонно. Раньше я мельком видела его родителей и бабушку, но все вместе мы встретились в первый раз. Мама разлила кипяток по чашкам, и мы сидим тесным кругом за столом в кухне, потягивая горячий чай. Так уютно, по-домашнему, что я чуть не расплакалась.

Семья Гончара с любопытством разглядывает меня. Оценивают невесту. Смотрят доброжелательно, так что мне даже приятно такое пристальное внимание.

— Итак, ты хочешь, чтобы Мар поселилась вместе с тобой? — спросил отец Гончара. Его отец Василий, крупный седеющий мужчина, весело посмотрел на меня своими живыми глазами, так, что я не могла не ответить улыбкой. У него

аккуратно подстриженные усы с острыми кончиками, которые напоминают мне о пиратах.

— Да, у Мар сейчас трудная жизненная ситуация, — ответил Гончар.

— С моей соседкой в общежитии... произошёл несчастный случай, — поясняю я, — вы, возможно, видели репортажи...

— Ой, неужели это та самая, — запричитала бабушка, Ольга Петровна, — которая в камень обратилась!

— Да, это она, — сказала я, помрачнев.

Бабушка заохала и приложила к впалым щекам свои тонкие морщинистые руки. Она с сочувствием посмотрела на меня своими добрыми глазами, и я грустно опустила взгляд.

— Кошмар! Кошмар! — воскликнула мама, Татьяна, — я представляю, как ты перепугалась...

— Дело не только в этом, — медленно сказала я, — я все же думаю, что это был Василиск. А это значит, что на месте Вул могла быть я, и тогда меня бы с вами сейчас не было.

— Ну, Мар, нагнала страху! — говорит мама. Эта миниатюрная женщина смотрит на меня, чуть пригнувшись, со смесью страха и восхищения. У неё тонкие быстрые пальцы, которыми она сейчас нервно приглаживает свои короткие тёмные волосы.

— Ну-ка, ну-ка, что там за василиск? —

спрашивает отец.

— Ну, это такое существо, похожее на огромную курицу, — начинаю объяснять я.

Семья Гончара замороженно слушает меня, и мне нравится их наивный восторг. Никто из них серьёзно не занимается магией, и мои рассказы для них точно чудесные сказки. Бабушка уже давно на пенсии и занимается домашним хозяйством, мама работает бухгалтером, папа — заведующим отделом в супермаркете. У моих же родителей вся жизнь связана с колдовством, моя мама преподаёт в школе магические дисциплины, а отец работает техномагом на заводе. Я терпеть не могу говорить с ними о магии, потому что у них на все своё мнение, и мы сразу же начинаем спорить.

* * *

С тех пор, как я переехала из общежития, мы с Кицу сменили место наших обычных встреч с башни университета на комнату Гончара.

— Ох, ох, — говорит Кицу, разглядывая меня, — стала жить с парнем, уже совсем по-другому выглядишь. Румянец появился, платья стала носить. Изменила свой мальчишеский стиль.

— Да я просто съехала из этого каменного гроба, — отмахиваюсь я. Но все равно, мельком заглядываю в зеркало. Действительно, кожа

выглядит ровной, здоровой. От открытой улыбки появились ямочки на щеках. И глаза... вроде улыбаются, а вроде и грустные. События последних дней, конечно, не радовали меня. Но рядом с Гончаром и его семьёй я чувствовала себя спокойнее.

— Ты говорила следователю про заклятие Чёрной руки? — спрашивает Кицу.

— Говорила, — отвечаю я.

— А он что? — спрашивает Кицу.

— Сказал, что комнату обследуют на наличие следов в поле м-эфира, — задумчиво говорю я, отпивая чай и ставя его на подлокотник дивана.

— Следователь не замечает, что факты складываются в одну картинку, и на тебя кто-то покушается? — обеспокоенно нахмурившись, спрашивает Гончар, заходя в комнату.

— Может, и замечает. Проблема в том, что не хватает доказательств. А главная проблема в том, что нет мотива. Ну хорошо, я думаю, что это Туман и Виктор Василиск. Но никаких фактов, напрямую указывающих на них, нет. Да, этот зверь, которого я видела, обычно сопровождает некромантов. Заклятие Чёрной руки тоже часто используют некроманты. Но доказательств тому, что Туман связан с магией мёртвых, нет. То, что василиск — талисман Виктора, может быть простым совпадением. Никто не может подтвердить, что у

него есть это существо или он сам в него обращается. Да и был ли мальчик? Вы сами слышали версию следствия.

Гончар притянул меня к себе и крепко обнял.

— Ну и что мне делать с тобой? Не ходить же вместе с тобой в университет? Сегодня же поищем защитные заклинания, — говорит Гончар.

— Но если это правда они, зачем ты им? — спрашивает у меня Кицу.

— Вот это и есть главная загадка, — отвечаю я, — денег у меня нет, какого-то влияния тоже... Может быть, дело в какой-то информации... Всё же началось как раз после того, как мы начали копать в тайнах университета. Но опять же, у меня нет никакой информации конкретно про Тумана и Василиска. Да и вообще, что я знаю?! Загадок по-прежнему больше, чем ответов.

— Может, ты подобралась близко к какому-то секрету, связанного с ними, поэтому они и охотятся на тебя, — предположила Кицу, — кстати, ты выяснила, что это была за комната?

— А, да, — оживилась я, — с этими перипетиями я совсем забыла тебе рассказать. Я встретила с одной из преподавателей, которая работала у нас давно. Она рассказала, что она и многие другие сотрудники ушли с кафедры, ведь наступил кризис, и работать стало невыносимо. А эта комната, они использовали её для того, чтобы

прятаться от проверок. Она сказала, там хранятся магические вещи, запрещённые во времена кризиса.

— Ты ключ не потеряла, надеюсь? — спрашивает Кицу.

— Нет, конечно, — отвечаю я и вытягиваю из-под одежды верёвку с ключом на ней, — с тех пор, как началась вся эта ерунда, я ношу его всегда при себе. Женщина, с которой я встретилась, сказала, что этот ключ открывает ещё одну дверь в университете.

— О да, — усмехнулся Гончар, — ещё одна тайная комната! Нам той уже было достаточно. А она рассказала про туннель?

— Про туннель она сказала, что ничего не знает. Говорит, он даже сам мог появиться.

— Зашибись! — присвистнул Гончар. — Да у вас там магия совсем от рук отбилась!

— То-то и оно, — говорю я.

— Может, и Чёрные руки у вас там сами появляются? — недоверчиво спросила Кицу.

— Нет, вряд ли, — говорю я, — подумай сама, зачем кому-то этот туннель с ямой? Это очень похоже на флуктуирующую магию аномалий м-эфира. А вот Чёрная рука — это известное заклятие с определённой целью. Это не беспорядочная магия аномалий, а вполне конкретное действие мага.

— Слушай, может, в этой комнате хранится

что-то опасное для Тумана и Василиска? — спрашивает Кицу.

— Не знаю, — отвечаю я, — во всяком случае, мы не узнаем, пока не вернёмся туда.

Кицу опасно поёжилась. Я вспомнила холодный ужас, который накатил в туннеле, и поняла, что тоже не хочу возвращаться.

— Ты говорила с мамой? — спрашивает Кицу.

— Да, конечно, — отвечаю я, — как только в новостях сказали про Вул, мама сразу начала доставать меня расспросами. Конечно, она волнуется. Я не стала пугать её ещё больше. Сказала, что я в порядке. Про Кунелиуса и Чёрную руку я ничего не говорила.

— Кстати, что там с Кунелиусом? — спрашивает Гончар. — Не нашли дедушку?

— Не-а, — говорю я, — ничего нового.

* * *

Через несколько недель об истории с Вул понемногу стали забывать, и учебный процесс вернулся на круги своя. Но только не для меня.

Лаборатория практической алхимии, освещённая лучами солнца, выглядит светлой и радостной. В стёклах шкафов и визуализаторов м-эфира отражается небо и молодая листва деревьев. Мы, вздыхая, с тоской смотрим в окно, а

потом — на Фолко.

— Сегодня мы будем выполнять работу по преобразованию одного металла в другой. Классические опыты алхимиков ставились именно для этой цели. Как вы знаете, алхимики мечтали о философском камне, — начал занятие Фолко.

Краем уха я услышала тихий шум, как будто стопка бумаг сползает с полки. Я и сидящий рядом со мной Песец переглянулись и, не сговариваясь, сорвались с места. Я не знаю, почему мы это сделали, только в тот же миг, едва мы успели вскочить с мест, огромный шкаф, стоящий за нашими спинами, рухнул с ужасным грохотом.

Пару секунд мы молча смотрели на сломанные доски и осколки стекла. Молчание прервал истерический возглас Фолко:

— О господи, вы же могли погибнуть!

Фолко забегал вокруг шкафа со словами:

— Но как же так! Почему он упал?! Столько лет стоял и не падал!

Фолко побежал к своему стулу, сел, глубоко вздохнул и сказал:

— Ладно, все обошлось. Ребята, с вами все в порядке?

Я и Песец выпученными от шока глазами оглядели осколки стекла на полу, рассыпавшиеся бумаги, посмотрели на Фолко и кивнули.

«Ага, мы в порядке».

Но на этом мои злключения не закончились. Теперь каждый учебный день стал угрозой для жизни. То подо мной начали качаться ступени лестницы, то я чуть не провалилась в дыру в полу, а однажды меня едва не пришибло тяжёлой дверью. Те защитные заклинания, которые наложил на меня Гончар, действовали против магических атак. А то, что происходило со мной, вроде как было простыми несчастными случаями...

* * *

— Мар! Ты что оставишь это просто так?! — восклицает Кицу. Её ладонь опускается на стол, и ногти (в её случае, скорее, напоминающие когти) скрипят, царапая поверхность.

— Ой, что ты делаешь?! — испуганно говорю я, схватив её руку, — родителям Гончара это точно не понравится, когда они вернутся.

— Ладно-ладно, — отвечает Кицу, убирая ладонь со стола, — во всяком случае, нужно что-то делать. Эти гады охотятся на тебя прямо в университете, на виду у всех!

— Но мы не знаем, действительно ли это они! Следовательно не нашёл доказательств, — говорю я.

— Да к черту его! Что мы, сами не можем все выяснить? — спрашивает Кицу.

— Хм, ну да, можем — отвечаю я, — а как?

— Ну, я не знаю, — задумалась Кицу, — надо как-то спровоцировать, чтобы появился василиск. Или чтобы Туман применил магию мёртвых.

— Ой, только не василиск. Боюсь, что мы не справимся, если он появится. Нужно улучшить момент, когда Туман будет один. Потом заманить его в ловушку, чтобы он мог выбраться из неё только при помощи магии мёртвых, — предлагаю я.

— Да, точно, — сказала Кицу, — расскажем все Гончару, когда он придёт с работы.

— Вы сумасшедшие! — воскликнул Гончар, — девочки, блин... Вы же сталкивались с некромантами. Вы знаете, насколько они опасны...

— А то, что я уже несколько раз чуть не погибла в университете — это не опасно?! — спрашиваю я.

Гончар недовольно засопел. Потом он сказал:

— Я пытался тебя защитить. Но видимо, сейчас лучшая защита — это нападение.

* * *

План был такой. Я знала, что раз в месяц проходят заседания нашей кафедры. Обычно они проходили по вечерам с 7 до 8 вечера. В 8 вечера как раз темнело, так что это идеально ложилось на наш план. Туман ходил на эти заседания. А Василиска там не должно было быть.

По плану мне нужно быть в университете, следить за Туманом. Гончар тем временем должен был наложить на землю вокруг университета заклятие Весенней пажити. Это заклятие проявляет в физическом мире магические силы земли. Действие их циклично, а в нашем случае, в весеннее время, они несут в себе энергию жизни. Побочным эффектом этого заклятия является то, что оно действует против некромантов, ведь они используют магию мёртвых. Это была ловушка для Тумана. Линия действия заклятия — тонкая струйка пара от земли — в ночное время едва видна. Как только некромант окажется на этой линии, земля начнёт затягивать его, потому что он уже частично умер, а для неё все мёртвое должно быть переработано в пищу для роста её созданий. Надо добавить, что на остальных людей, кроме некромантов, это заклятие никак не действует. Разве что голова немного кружится от пара, которым начинает исходить земля. Никто не должен был пострадать.

Чтобы разрушить заклятие и выбраться, некроманту точно придётся использовать магию мёртвых. Тем временем Кицу будет неподалёку и сделает запись. С теневой завесой она сможет подобраться довольно близко. Если у нас будет запись того, как Туман колдует, он точно не отвертится!

* * *

Я жду на крыльце учебного корпуса, в тени, за колонной. Вот уже перед моими глазами просияла ярко-жёлтая полоса заката, потом скрылась за горизонтом. Наблюдая, как опускается ночь, я старательно вглядываюсь в темноту, чтобы увидеть струйку пара. Ничего не видно. «Хорошо, что не видно. Значит, и Туману будет трудно заметить», — успокаиваю я себя. Стараюсь дышать спокойно, чтобы не выдавать себя тяжёлым от волнения дыханием.

В какой-то момент раздаются голоса. Начинает хлопать дверь, и я вижу силуэты преподавателей. Астра с какой-то своей подружкой, Вир выходит своей грузной походкой... Смотрю на часы. 20.20. Да! Они задержались, и уже совсем темно. С замиранием сердца разглядываю выходящих людей.

Я ждала этого момента, и все же он заставил меня вздрогнуть от неожиданности. Вот он! Я вижу силуэт мужчины. Он идёт тяжело, прихрамывая, опустив голову. И он один! На миг я даже засомневалась. Это обычный одинокий уставший старик. Глядя на него, мне даже стало стыдно.

«Нет, — думаю я, — ты таким стал не просто так. Это магия мёртвых вытянула из тебя силы.

Если это так, сейчас мы увидим твоё истинное лицо».

Я отогнала угрызания совести, сконцентрировалась и отправила сообщение Гончару и Кицу: «Он идёт. Один».

Я не знаю, сколько времени прошло. Может, пять, а может, и 10 минут. Я ждала, облокотившись на колонну и прислушивалась к ночной тишине.

Внезапно я услышала топот ног. Тело рефлексивно подалось вперёд, готовое бежать. Но я даже не успела что-либо предпринять, как прямо передо мной из теневой завесы вынырнула Кицу. Буквально сразу же подбежал Гончар.

— Получилось? — взволнованным шёпотом спрашиваю я.

— Валим быстро, — отрезала Кицу.

Мы побежали вдоль стены корпуса. Добрались до Каменного сада, там перемахнули через забор, а потом скрылись в подворотнях среди домиков, рассыпанных по склону горы.

— Поверить не могу, что мы так промахнулись!.. — сказала я, схватившись за голову.

— Ну, запись есть, — робко сказала Кицу, — на ней видно, как Туман проваливается под землю.

— Да ни хрена у нас нет! — воскликнула я. — Ничего этой записью не докажешь! Да, видно, что его корёжит. Да, видно, что он под землю

проваливается. Но по этой записи нельзя точно сказать, что это заклятие Весенней пажити. Может, это какое-то другое заклинание?! Если мы кому-то это покажем, посадят скорее нас, чем Тумана!

— Это да, — сказал Гончар, — ну, кто ж знал, что он так поступит?!

— Да, — ответила я, кусая губы, — мы подумали обо всём, что он может сделать как маг. Но не подумали, что сделает на его месте человек.

— Просто возьмёт и позвонит в полицию, — сконфуженно закончила Кицу.

* * *

Нам пришлось оставить идеи подобных провокаций. Если бы нас поймали в следующий раз, Гончара могли связать с этим делом, потому что по наложенному заклятию можно найти мага. Учитывая то, что он военный, проблемы с законом могли просто-напросто стоить ему работы. Мы не знали, догадаются ли в полиции, что это заклятие Весенней пажити. А если и догадаются, знают ли они о том, что оно таким образом действует только на некромантов? Будут ли они разбираться?

Единственной надеждой найти зацепку осталась тайная комната.

* * *

Я медленно огляделась вокруг. Побеленные и покрашенные стены. Пианино. Шкафы с какими-то книгами и папками. Похоже, что папки с нотными листами. Обычная комната, и все же... что-то здесь есть, что-то странное... всё как во сне, как в тумане.

Ковёр. Пианино. Канделябры. Лампочка без абажура висит под потолком.

И вдруг мы все втроём, я, Кицу и Гончар, вздрагиваем от резкого звука. Пианино начинает играть само!

Та-да-да-дам! Та-да-да-дам!

Пятая симфония Бетховена.

— Да вы издеваетесь, что ли?! — кричу я, — напугать решили?!

Та-да-дам! Та-да-дам-там! Та-да-дам!

Звук пианино продолжает нарастать. Мы в панике мечемся по комнате, пытаюсь понять, что происходит. Клавиши продолжают безумно и беспричинно подскакивать и опускаться. Да в чём тут дело, чёрт возьми?!

Внезапно до моего уха доносится тихое шуршание. Всеми силами напрягаю слух и понимаю, что звук раздаётся из-за дверцы одного из шкафов. Я резко дёрнулась к этому шкафу, рывком открыла дверь, и перед нашим взглядом предстала... Дракон...

Я резко, бесцеремонно хватаю её за плечо и

вытаскиваю из шкафа.

— Дракон? Что ты здесь делаешь?! — грозно, почти рыча, спрашиваю я.

Дракон мечется, щурится от света лампы, что-то бормочет.

— Что ты сказала?! — рыком спрашиваю я.

— Я здесь часто бываю, — сбивчиво начинает объяснять Дракон, — я давно нашла это место и иногда сюда прихожу...

— Это ты заставила пианино играть? — продолжаю спрашивать я.

— Да...

— Зачем?! — спрашиваю я, едва не крича.

— Я... просто хотела пошутить... смешно же... — оправдываясь, говорит Дракон.

— Нет, — кричу на неё я, — совсем не смешно! И вообще, как ты сюда попала?! Мы ползали в подвале, искали ключ, а ты так просто, сама сюда проникла?!

— Да, — промямлила Дракон, — как-то само получилось...

— Ты, бездарность, бестолочь в магии, как ты сюда попала, отвечай!!! — я кричу, задыхаясь от возмущения.

Дракон морщится, съёживается, пытается закрыться от меня руками. Ярость внутри меня закипает все сильнее, пузыри всплывают в моей голове, заполняют её, лопаются, и вот уже волна

гнева поднимается от груди ко лбу, захватывает моё дыхание, берёт контроль надо мной...

Дракон в отчаянии опускает глаза, и в исступлении я замахиваюсь, чтобы ударить её. И тут она поднимает лицо, смотрит прямо на меня и издевательски ухмыляется.

Она такая жалкая, такая беспомощная. Она даже сама не понимает этой беспомощности. Она ещё находит силы улыбаться. Мне не достучаться до неё, не донести того, насколько она убога. Она выстраивает стену, чтобы защитить себя. Ах, если только я могла пробить эту стену, чтобы она осознала...

Дракон продолжает ухмыляться. Она смотрит на что-то позади меня.

Похолодев, я оборачиваюсь. У дальней стены комнаты появляется стройный высокий блондин с холодными глазами. Это Песец.

— Бестолочь в магии, значит?! — холодным вкрадчивым голосом начинает он, — а сама-то ты кто?! Сколько ты заклинаний написала за последние полгода?!

Я замираю, задержав дыхание. На миг я теряюсь, но тут же кричу в ответ:

— А ты кто такой, чтобы меня осуждать?!

— Как ты сюда попала, чертовка?!

— На кого ты свой поганый рот разинула?!

— Чего ты сам добился, чтобы такое

говорить?!

Пианино, шкафы, стены мелькают вокруг, словно карусель. Только глаза, холодная сталь глаз Песца стоит передо мной. И где-то в стороне я вижу силуэт Кицу и слышу её голос.

— Маар! Маар!

— Чем ты лучше... чем ты лучше других, что осуждаешь кого-то?! — слышу я голос Песца, и теперь он уже совсем рядом со мной. Его глаза пронзают меня, дыхание замирает, я не могу дышать.

— Мар, остановись! Мар, это морок!

— Я хотя бы... я хотя бы владею магией... — задыхаясь, отвечаю я.

— Владею магией... владею магией... — гулом отзывается в моей голове глумливый смех.

Облик Песца искажается, расплывается, дымкой начинает кружиться вокруг меня.

— Владею магией или магия владеет мной?! — громогласно раздаётся его голос, сотрясая стены, сбрасывая книги с полок, обрушиваясь на клавиши пианино.

— Мар, Мар, — слышу я, одновременно чувствуя хлёсткие удары по щекам.

Комната передо мной начинает резко трястись, шкафы шатаются, книги падают на пол.

Я встряхиваю головой.

Бррр!

Картинка перед глазами выравнивается, я вижу комнату, и все в ней ровно стоит на полу. Все на своих местах. Я понимаю, что за моей спиной стоит Гончар и держит меня за плечи. Он встряхивает меня, а Кицу хлопает меня по щекам и зовёт по имени.

— Мар! Мар, ответь! — в отчаянии восклицает она.

Я промаргиваюсь и, кашлянув, отвечаю:

— Да здесь, я, здесь. Что случилось?

Кицу, схватив меня за плечи, тяжело дыша, встревожено заглядывает мне в лицо.

— Мар, ты металась вокруг, говорила с каким-то драконом, — задыхаясь, говорит Кицу, — мы испугались, что ты поранишься, так ты бросалась по комнате.

— Это был просто морок, иллюзия, которую создаёт аномалия, — сказал Гончар, продолжая держать меня за плечи.

Кицу дёрнулась, опасно глядя в тёмный угол комнаты, там, где был вход в туннель.

— Нет, здесь, мы ничего не найдём, если мы даже не понимаем, что реально, а что нет, — сказала она, — пойдёмте отсюда.

— Ты тоже что-то увидела? — спрашиваю я.

— Не важно, — говорит Кицу, — это всё не по-настоящему.

— Нет, — отвечаю я, — это было

по-настоящему.

Глава 8. В западне

Моя рука решительно опустилась на стол, придавив к нему лист бумаги с ручкой. Заведующий кафедрой удивлённо поднял глаза на меня из-за стола.

— Здравствуйте, — говорю я, — я хочу написать заявление на отчисление.

— Как, — лицо Вира приняло выражение крайнего удивления и печали, — ты же такая умница, так хорошо училась... что произошло? Тебе же всего один год остался, чтобы закончить...

Я сердито засопела, глядя на него исподлобья. Мои плечи поднялись вслед за резкими вздохами, как будто я стала быком, атакующим тореадора. Наконец, я выпалила:

— Да у вас работает кто попало! Преподаватели на пары не ходят, а если и ходят, рассказывают какую-то чушь! Но это я ещё терпела! У вас уже студенты погибают! Я не могу спокойно на пары ходить, мне уже страшно в университете появляться! Вот этот Туман, кто он вообще?! Вы его знаете? Почему его взяли на работу?! Сами не знаете, что у вас происходит! Развели бардак, а потом ещё удивляетесь!

Вир сердито наклонился над столом, сдвинул

свои лохматые брови. Он поднял вытянутую руку, показывая на своего секретаря, и сказал:

— Пиши заявление.

* * *

— Ну ты, блин, даёшь, — сказал Гончар, — один год всего-то остался!

— Ты что, не знаешь, как я в этом университете погибаю! — чуть не кричу я.

— Солнце моё, я понимаю, — говорит Гончар, обнимая меня, — но ведь можно было найти другой выход. Давай искать ещё какие-то средства. Ты же колдунья, в конце концов. Не может быть, чтобы ты не могла защитить себя.

— Да я-то могу, — говорю я, — наверное, я уже просто устала. Устала от этой среды, где приходится все делать самой. Университет не только не обеспечивает мне качество образования, а уже и безопасность не может обеспечить. Почему все так? Я чувствую, что как специалист я никому не нужна. Я могла бы многое сделать, но у меня никаких условий...

— Ваше поколение все время жалуется на то, что нет условий, — вздыхает Гончар, — а на самом деле, всё у вас есть. В университете много бесплатных мест, общежитие дают, родители финансово обеспечивают. Вы учитесь и живете за

чужой счёт. Хватит вам уже беситься с жиру, идите работать.

— Ну и пойду! — сказала я.

— Без высшего образования тебе трудно будет, — заметил Гончар.

— Ну, может, я поступлю куда-нибудь в другое место, — неуверенно говорю я.

— Ну, а куда? И где бы ты хотела работать? — спрашивает Гончар.

— Не знаю, — говорю я, — раньше я думала, что хочу быть техномагом, но теперь уже не уверена. По-моему, это не моё.

— Пока ты думаешь и выбираешь, много времени может пройти, — усмехается Гончар, — ты бы уже успела что-нибудь попробовать и понять, твоё или нет.

В плане работы Гончар звёзд с неба не хватает. Он выучился на техномага и теперь работает с военной техникой на кораблях. О работе он говорит мало, армию терпеть не может, но это не особенно его волнует. Ему много не надо, лишь бы были деньги и свободное время заниматься творчеством.

* * *

— Как потеряли заявление?! — сердито спрашиваю я.